

Андрей Юрьевич Анисимов
Призрак с Вороньего холма. Дружба бандита
Серия «Призрак с Вороньего холма», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8738659

Призрак с Вороньего холма. Дружба бандита /Андрей Анисимов: АСТ, Астрель; Москва; 2006
ISBN 5-17-033645-4, 5-271-12683-8

Аннотация

Бандиты, безнаказанно управляющие маленьким курортным городком... Они не боятся закона, потому что их наглость и сила – единственный закон. Им платят все, кто хочет жить спокойно, – а те, кто платить не соглашается, вообще не живут долго. Но за убийство слишком строптивого молодого бизнесмена и его беременной жены им придется заплатить. Потому что теперь за их головами отправляется опытный охотник – друг убитого, выживший в аду Афганистана и не боящийся смерти – ни своей, ни чужой!..

Андрей Анисимов

Призрак с Вороньего холма.

Роман первый. Дружба бандита

Пролог

Бронированный лимузин мягко покачивало на гладком асфальте. Пожалуй, во всей России не было лучшего покрытия, чем на Рублевском шоссе. Отечественная задница привыкла к ухабам, и народ давно не держал ямы и колдобины за большое зло. Главное, чтобы не было войны. Но задницы правителей Совкового царства с каждым годом становились нежнее, и дороги для них делали специальные.

Он ехал после тяжелого рабочего дня из кремлевского кабинета на свою казенную дачу и вез с собой референта. Завтра на внеочередном пленуме коллеги по Политбюро услышат много нового, и вечер придется поработать.

– Лева, ты посмотрел тезисы о кооперативном движении?

Референт кивнул уважительно, но немного фамильярно:

– Есть там один спорный момент...

Он поднял одну бровь и произнес выжидающее «Ну?»

– Понимаете, шеф, при таком раскладе, когда в районе все зависит от секретаря партии, кооперативы широко не внедришь. У каждого свои любимчики. И так далее.

Он задумался. За пуленепробиваемым окном лимузина бежали потемкинские деревушки с резными наличниками и крашенными свежей краской заборами. Каждого владельца избы, расположенной вдоль Рублевской трассы, по сто раз проверили службы КГБ и выдали соответствующие указания. Когда едут Они, к заборам не подходить, одеваться всегда чисто и пить умеренно. То есть до состояния лежачего свинства не набираться, иначе вышлют в другую деревеньку, подальше...

Но Он хоть и смотрел в окно, природы не видел. Он думал.

– Вот, что, Лева... Понимаешь, начить, можно с малого. Я согласен, советскую власть партия во многом дублирует. Я бы сам не стал травить ее на хозяйственные нужды. Дело партии идеология. Но наших так просто сразу не подвинешь. Давай возьмем один небольшой район, городок, где-нибудь в сторонке. И проведем там демократический эксперимент. Углубить никогда не поздно...

– Что вы имеете в виду? – Референт, высказав свою мысль, вовсе не предполагал, что она затронет наболевшее. Теперь ждал лишней работы на свою голову. И дождался.

– Напиши-ка, Лева, мне набросок выборного районного или городского головы. Требования, возраст и так далее. Понял мою мысль?

– Вы хотите сделать вместо секретаря выборного руководителя. Мэра, что ли?

Он не возражал:

– Пусть мэра. Дело не в названии, а в сути. Народ сам себе выбрал начальника, и пенять не на кого...

– Хорошо, шеф, я подумаю. – Референт вздохнул и замолчал. Лева надеялся, что Он слишком занят предстоящим пленумом, и о своей просьбе забудет. Референт давно раскусил, что нужно делать сразу, а что отложить до случая. Но тут он ошибся.

Уже на даче, когда прислуга, исполнявшая обязанности кухарки, горничной и уха КГБ, подала в столовую ужин, Он попросил:

– Анюта, принеси нам из кабинета карту СССР. Нет, не ту большую, а поменьше, что лежит на журнальном столике.

Анюта принесла и разложила страну перед хозяином. Он взял зубочистку, и ткнул ей в густо покрашенный зеленой краской район:

– Посмотри, Лева, куда я попал?

Референт достал из кармана очки:

– Вы попали в лес.

– Лес это не плохо, а есть там ближайший город, большое село, или еще какой населенный пункт тысяч на десять жителей?

– Да, есть районный центр и, судя по кружку, город.

– Как он называется?

– Глухов он называется. – Ответил Референт.

– Хорошее название. Начить лучше с тихого места. Вот и подготовь мне бумаги с учетом этого городка.

– Когда вы бы хотели их иметь? – Обреченно спросил референт.

– Завтра к пленуму. Это же, Лева, совсем пустяк. Ну, не поспишь одну ночку. Зато потом целых два дня свободен.

Референт кивнул, как всегда уважительно и чуть фамильярно. Лева знал, два дня обещаны для красного словца. Несмотря на феноменальную память, подобные обещания Он забывал регулярно...

Врачи к летальным исходам привыкают. Нельзя переживать за каждого, как за родного отца, жену или брата. Смерть больного, досадная, но вполне обычная штука.

– Я же говорил, капитан после третьей операции дольше недели не протянет. – Кавдидов прикрыл голову бывшего пациента простыней и вышел из палаты. Дежурная сестра Варя смахнула набежавшую слезу. Она работала еще совсем немного, и к смертям привыкнуть не успела. К тому же, раненый афганец ей сразу приглянулся. Десантник, превозмогая боль, шутил и рассказывал девушке анекдоты. Среди больных, даже фронтовиков, такие встречаются нечасто. Варя вернулась к себе на пост и позвонила по внутреннему санитарам.

Костя с Жориком только вскипятили чай и приготовились перекусить. Они уже постелили на крышку гроба газету, нарезали колбасу и поставили кружки. Тащиться из подвального морга на четвертый этаж в реанимацию им вовсе не хотелось. Жорик, положив трубку, матерно выругался и кивнул Косте на каталку. Напарник молча прихватил одной рукой лежак и покатил его к лифту.

«Клиент», несмотря на долгую болезнь, вес имел приличный. Санитары не без труда перебросили его на лежак. Спустившись в морг, они вогнали каталку с телом в холодную, но в камеру не вставили. Чтобы чайник не остыл, сперва решили закончить с трапезой. Усевшись на табуретки у свежeweыструганного гроба, они с аппетитом закусили, немного погрузив, что закуску пришлось запивать чаем, выкурили по сигарете и сполоснули кружки. Костя раскрыл книжку и уселся снова. Жоре это не понравилось:

– Пойдем загрузим.

– Сам справишься? – Бросил Костя, не отрываясь от детектива. Жорик щелкнул напарника газетой по темечку и отправился в холодную. Заправить покойника в морозильную камеру не трудно и одному. Насвистывая мелодию песенки про зайцев и «трынь-траву» из фильма «Бриллиантовая рука», он подошел к лежаку. Свист прервался на середине музыкальной фразы. Санитар стоял возле лежака и ничего не мог понять. Покойник исчез.

– Чего вылупился? – Услышал он из угла холодной. Лицо Жоры побледнело, руки задрожали, и сам он сделался не краше мертвеца.

– Не трясись, – успокоил «покойник» и, усмехнувшись, добавил: – Закурить не дашь?

Жорик заорал благим матом и вылетел в коридор. С перепуга он не сразу нашел дверь в морг. На крик высунулся Костя:

– Чего орешь?

– Там... – Только и смог проговорить санитар и указал перстом в сторону холодной. Костя взглянул в указанном направлении и тоже чуть не заорал. По коридору, прихрамывая, шагал мертвец.

– Не бойтесь, мужики. – Заговорил он приятным баритоном: – Дайте мне закурить, и я пойду. В вашей больнице меня уже уморили, так что теперь я приведение. О том, что я смотался, лучше никому не говорите. И мне, и вам меньше хлопот. А расскажете, приду ночью и утащу вас в преисподнюю. Ох, как там тоскливо...

Костя дрожащими пальцами протянул «Приму». Призрак вынул две сигареты. Одну метнул в зубы, другую заложил за ухо и вернул пачку Косте:

– Огонька дай.

Два санитар не в силах сдвинуться с места молча пронаблюдали, как он жадно затянулся, выпустил тонкую струю дыма и, прихрамывая, направился к выходу.

Поезд Москва – Сочи стоял на перроне Ростова уже десять минут. Проводница Саша выпустила пассажиров, прибывших в город, и впустила тех, кто желал ехать дальше, на юг. Возле вагона остался парень в потертой гимнастерке без погон, с выдавшим виды рюкзаком в руках. На первый взгляд ему было лет двадцать семь-тридцать, но виски уже серебрились. Саша несколько раз зыркнула на него, но он продолжал молча стоять возле вагона, попыхивая сигаретой. Когда поезд дернулся и она уже хотела закрыть дверь, парень шагнул к вагону:

– Сестра, денег нет. Документов тоже. Я после ранения и очень хочу на море. Возьми до Лазоревска. Я тебе отработаю.

Состав набирал скорость, а он шагал рядом.

– Вагон не мой личный. А если контролер? – Проворчала она. Но отодвинулась, давая парню запрыгнуть. Почему Саша так поступила, сама понять не могла. За четыре года службы она привыкла к всевозможным зайцам и научилась воспринимать их с равнодушной неприязнью. А этого пустила. Может, женская душа дрогнула, а может, глаза парня не позволили отказать: – Чем отработаешь, солдатик? Думаешь, лаской? Так я замужняя, от своего отдохнуть рада. Приставуч больно.

– Чем скажешь. – Сообщил безбилетник: – Могу чай разнести, могу клозеты отмыть. Я все умею.

– Ладно, накачай мне воды и тихо подваливай в первое купе. Его сменщица Лидка занимает, да не спит. У нее хахаль в восьмом вагоне проводником, так она больше при нем, чем тут.

Саша показала, как качать воду, и ушла к себе. Солдатик с заданием управился быстро. Поняв, что емкости водой заполнены, проник в первое купе и улегся на верхнюю полку. Нижняя оказалась застеленной, и он смекнул, что это место влюбленной Лидки. Минут через десять к нему заглянула Саша:

– Жрать хочешь – суп есть. В меня уже не лезет, а вылить жалко. Суп, солянка. У нас в ресторане ее Петруша хорошо готовит.

Он спрыгнул с полки и посмотрел Саше в глаза:

– Спасибо, сестрица, не откажусь, – взгляд у него был странный, заинтересованный и немного грустный. Без улыбки.

– Что ты заладил, сестрица да сестрица. Меня Александрой звать.

– А меня Олег.

– На, ешь. – Она поставила на стол железную миску, тарелку с хлебом и бросила рядом ложку: – Вот что, солдатик, контролеры пойдут, скажешь, что мой брат. Понял?

Он кивнул и принялся за еду. Саша немного посмотрела, как он орудует ложкой, и вышла.

К вечеру за окном возникло море. Олег лежал на спине и глядел в потолок. Но как только поезд выкатил на берег, словно почувствовал, тут же повернулся на бок и прилип к окну. Море он видел впервые. Оно стелилось бесконечным чудом, и хоть за стеклом слышно прибоя не было, он его слышал. И еще ощутил удивительный соленый запах этой подвижной бесконечности, отливающей цветами закатного неба.

– Класс. – Прошептал он и облегченно вздохнул. Так вздыхают дети, когда им разрешают покинуть угол, куда их поставили за проступок родители.

За окном стало темнеть, и начались туннели. Он снова лег на спину и задремал. Проснулся от остановки. Когда поезд тронулся, навестила Саша:

– Туапсе проехали. Уже не долго. Ты везучий, все контролеры сошли...

– Знаю. – Ответил он серьезно. Проводница так и не поняла, о чем он. Или знает, что сошли контролеры, или о своем везении...

На улице сделалось совсем темно, но он все равно чувствовал, когда поезд выносило к морю, и смотрел на него. Иногда видел в темной бездне огни кораблей, иногда домики на берегу, освещенные желтыми фонарями. Вода завораживала. И еще его пьянил запах юга. Он пробивался в купе ароматом терпкого лавра, паленых дневным солнцем колючек на склонах и цветущих магнолий вдоль берега. К воде бывший афганец относился с благоговением. Раненый под Кандагаром, испытывая мучительную жажду, он даже хотел умереть, только бы смочить распухший язык чистой холодной водой. Как он мечтал тогда хоть об одном глотке. А потом в госпитальной палатке опять мучился, хотя вода была, но вдоволь ее доктора не давали. Раненого предстояло транспортировать в ростовский госпиталь, а перед дорогой много пить нельзя.

Здесь же целое море воды. И хоть говорят, что она очень солена, не проглотишь, ему это не претило. Пусть солена, зато можно лечь и лежать на волнах. Он слышал от старшины Вихрова, что соль держит на плаву человека. Старшина родом из Лазоревска. Диму Вихрова контузило на три месяца раньше, чем ранило Олега. Теперь он надеялся найти друга. Бумажку с адресом сохранить не удалось, но он помнил, что дом Димы на Арнаутской, рядом с аптекой. Как-нибудь да отыщет.

Появления в купе проводницы, пока она не зажгла свет и не заговорила, не заметил:

– Возникаешь, как партизан. Ты в разведке случайно не служила?

– Не служила. Пришла сказать, что ты можешь и на нижней полке сидеть. Лидка уже не придет.

Голеневу надоело валяться, и он с удовольствием спрыгнул вниз.

– Чудной ты какой-то. – Саша присела рядом. Он увидел в разрезе кофточки ее большую грудь, и на всякий случай отодвинулся.

– Я такая страшная? – В ее голосе прозвучало предложение.

– Ты красивая, но сама сказала, замужем....

– Шутила я. Муж у меня есть, но он моряк, служил на подводной лодке. Ты меня понимаешь?

– Пока не очень.

Она быстро защелкнула дверь купе на замок и томно потянулась. Олег обнял ее, взял за грудь:

– А если станция?

– Два часа еще...

От ее шепота, объемной груди и дрожащих бедер завелся мгновенно.

– Какой ты сильный! – Она помогла себя раздеть: – Юбку не надо. Вдруг позовут.

Он бросил ее на полку и сжал так, что она вскрикнула. Олег не был великаном. В одежде он казался чуть ли не щупленьким, но торс и руки имел железные. Первый чувственный порыв контролировать не смог. Мягкое податливое тело Саши всколыхнуло в нем

звериную страсть, которая длилась недолго. Саша не успела ничего понять. Но Олег ее не отпускал, и желание пришло снова. Бывшему афганцу приходилось испытывать близость с женщиной в самых необычных местах, даже в кабине БТР. Но в поезде любил впервые. Вагон покачивало в так их близости. Теперь он не торопился. Она устала раньше.

– Отпусти, неугомонный. Скоро у меня остановка.

– Помолчи. – И он отвалился в полном изнеможении.

После станции она опять зашла, поставила на столик стакан чая, хлеб и нарезанную колбасу:

– Подкрепись, а то выйти из вагона не сможешь.

– Хорошая ты. Жаль, что у тебя так с мужем.

– Пожалел волк кобылу. – Усмехнулась проводница и больше в купе не появлялась.

В Лазоревск приехали ранним утром. Покидая вагон, безбилетник пожал Саше руку и посмотрел на нее серьезно, чуть грустными глазами:

– Я твой должник.

Проводница хмыкнула и поправила косынку:

– Брось, солдатик, вагон казенный. Добрался до места и радуйся. А долгов еще наде- лаешь...

– Я долги всегда отдаю.

Она проводила его долгим взглядом, вздохнула и, захлопнув за собой дверь, скрылась в тамбуре.

На вокзальной площади дежурили два такси и три местных частника. Всем удалось заполучить клиентов. Машины разъехались, и площадь опустела. Олег посмотрел на часы. В шесть утра беспокоить друга рано и спросить адрес не у кого. Ему не терпелось потрогать море, и он пошел на пляж. Плавал долго, пока не замерз. Выбрался, лег на живот, закурил, подставив спину солнцу. Оно уже начинало пригревать, но не жарило, как в Афгане, а лас- кало спину. «Какой солнечный веселый городок. Это и есть рай на земле», – подумал он и услышал топот. По пустынному пляжу бежал подросток, за ним три здоровенных бугая лет по восемнадцать. Они нагнали мальчишку, повалили и стали бить ногами. Олег сплюнул окурок, поднялся и окликнул драчунов. Они разом повернули к нему головы.

– Чего тебе? – Мрачно отозвался квадратный малый с приплюснутым носом.

– Трое на одного – не дело. Оставьте парня.

Вместо ответа все трое ринулись на него. Драться Олег умел, но он еще не вошел в силу, а парни выглядели внушительно. Помогла техника. Одного уложил, зацепив ногой в пах. Ударом ладони в шею отрубил другого. Третий решил ретироваться сам, что и спасло заступника. На третьего у него сил не осталось.

– Чего ты, мужик? Мы его за дело учим. – Примирительно заявил уцелевший.

Подросток поднялся, растирая кулаком кровь под носом, неожиданно сам подскочил к поверженным обидчикам и принялся колошматить их ногами. Теперь уже Олег вдвоем с парнем оттаскивали мальчишку, который злобно и вовсе не по-детски ругался.

– Видишь, какой звереныш, а ты его пожалел. Я же сказал, что мы его за дело. Этот шкет вчера Валькину сестричку чуть не изнасиловал. – И парень указал на одного из своих поверженных дружков.

– Вот пускай твой Валька с ним и разбирался бы, а трое на одного – подлянка. – Голенев оделся, подхватил свой рюкзак и вышел на набережную. Только прошагав квартал, сумел восстановить дыхание и вернуть походке упругость. Солнце ему уже не казалось таким лас- ковым, а город таким веселым. Арнаутскую отыскал быстро, но никакой аптеки не нашел. Улица закончилась горой. Пока размышлял, как поступить, увидел дворника.

– Дед, покажи, где аптека? Всю улицу прошел, а аптеки нет.

– И не найдешь. Теперь порядку нету. Слыхал, Горбач «НЭП» опять надумал.

– Слышал. А чем плохо?

– Тем и плохо. Была аптека, а теперь кафе «Встреча». Димка прихватил помещеньице и деньгу гребет. Не будь он с Афгана, люди бы его давно сожгли.

– Уж не Вихров ли?

– Он самый.

– Я к нему приехал. Знаешь, где живет?

Старик ткнул пальцем в подъезд:

– Там. На втором этаже справа.

Олег поблагодарил дворника и вошел в обшарпанный подъезд двухэтажного дома. Не открывали долго. Наконец за дверью возникли легкие шаги и из глубины квартиры сонным женским голосом поинтересовались, кто звонит.

– Я к Диме Вихрову.

За дверью затихли, потом послышалась возня с замком. Дверь открылась, и он увидел молодую женщину в интересном положении. Женщина стояла босиком, накинув на плечи цветастый халатик:

– Димка спит. А вы кто?

Пока он думал, как представиться, в коридоре возник сильно раздобревший Вихров в трусах и тапках на босу ногу:

– Оксанка, с кем ты там базаришь? – Спросил он жену густым басом.

– Димка, это я, Голенев.

Дима шагнул вперед, постоял некоторое время, разглядывая визитера. Его простоватое, белесое лицо выразило всю гамму чувств, возникающую по мере узнавания друга. После чего он нежно отстранил Оксану и схватил Олега в охапку.

– Ну, бляха муха, ты и даешь! Жена, это же мой кореш по Афгану! Ты понимаешь, кореш мой Олежек!?

– Не дави, я после ранения.

– Ладно, не давлю. – Прорычал Дима, продолжая сдавливать однополчанина. Оксана стояла, опустив руки вдоль выпуклого живота, не зная, как себя вести в данном случае, и смущалась:

– Пойду на стол накрою. Вы уж простите, Олег, что встречаю в таком виде. Я теперь долго сплю по утрам. Ночью заснуть не всегда получается.

Квартира кооператора состояла из трех маленьких комнат и внушительных размеров застекленного балкона. Голенев заметил иконостас семейных фотографий на стене, над диваном ковер с русалками и новый, с огромным экраном, японский телевизор. В квартире пахло сном и перцем. Оксана окончательно проснулась и, выказывая при ее положении завидное проворство, забежала по хозяйству. Стол она накрыла на лоджии. Утреннюю прохладу здесь ценят и окна раскрывают настежь. Днем, даже в мае, приходится прятаться от солнца ставнями.

Небольшой столик едва вместил множество разнообразных закусок. От копченых кур до жареной форели и всевозможных солений. По обилию провизии нетрудно было понять, что Вадим не бедствует и его новая профессия кормит семью неплохо.

Хозяин натянул шаровары и усадил гостя за стол. Супруга завтракать не стала. Пожелав мужчинам приятного аппетита, она оставила их наслаждаться встречей.

Первой рюмкой друзья помянули однополчан. Молча закусили. Как водится, пошли воспоминания. Под разговор, состоящий из отдельных, ничего не значащих для непосвященного уха, восклицаний, быстро прикончили первую бутылку. Обстоятельных речей и тостов им и не требовалось.

– Колян?

– Руку зацепило. В Кундуз на вертушке отволокли.

- Зурейко?
- Туда же, в деревянном бушлате...
- В Черном Тюльпане?
- На МИГе восьмом.
- Стас?
- Без вести.
- Где?
- Под Шиндантом.
- ДШК?
- Нет, Стингер.

У каждого там остались друзья. Не сговариваясь, еще раз выпили не чокаясь. Оба помолчали.

Мужчины, не знавшие войны, никогда до конца не поймут ветеранов. Никакие рассказы о самых страшных или смешных моментах фронтовой службы не передадут запаха крови убитого на пятидесятиградусной жаре товарища, не припомнят боли от тяжести походного обмундирования, натертых до волдырей плеч. Не донесут ужаса, притаившегося за каждым кустом на неприятельской территории. Потому что плен может обернуться пыточной, мучительной смертью. Не объяснят звериную злобу к врагу в момент атаки. Не поведают о лютом желании бабы в часы вынужденных лежек между боями, когда от одного имени подруги плоть рвется из белья. Все это нужно пережить лично. Олег Голенев и Дима Вихров это пережили и понимали друг друга с полуслова.

От воспоминаний разговор понемногу перетек к делам нынешним. Дима отправил пустую бутылку под стол и откупорил новую. В создавшейся паузе Олег в общих чертах обрисовал свое теперешнее положение.

– Ну, бляха муха, командир, ты, как всегда, с обновкой, порванным локтем... Из морга сбежал! Чего же теперь делать будем?

– Не знаю.

Дима задумался:

– Документик придется добыть. Без паспорта, бляха муха, трудно. У нас город пограничный, режимный. Я тут участкового Миткова прикармливаю, поговорю с ним, поможет.

– Спасибо, старшина. Возьмет дорого?

– Разберемся. Я теперь кооператор, денег куры не клюют, не пропадем.

– Насчет денег погоди. Мне их много надо. У тебя столько нет. Сможешь достать?

Дима почесал затылок:

– Смотря сколько?

– Пока сам не знаю, старшина. Я хочу открыть сеть автоматов, водой людей поить на улицах. Помнишь, как в детстве? Ставишь стакан, нажимаешь кнопку, и к тебе газированная водичка со льдом течет. Я о таком автомате под Кондагаром мечтал...

– Там нас больше китайские Калашы поили нашей же кровушкой. – Усмехнулся Дима. Но мысль однополчанина его заинтересовала: – Ладно, понюхаем, во что твоя затея выльется. Есть у меня парочка дружков упакованных. Только придется их, бляха муха, в долю брать.

– Нет, старшина, этого не надо. Деньги доставай под проценты. А в деле только мы двое. Иначе толку не будет.

– Рассчитываешь много заработать на воде, командир?

– Мне, парень, нужно миллионов десять. Потом уеду.

Дима присвистнул:

– Ничего себе! Как же столько рублей накуасить?

– Мне не рублей, мне долларов.

– Так это же статья!

– Пока статья, Дима. Кооперативы разрешили, скоро и валюту разрешат. А пока и рублики сойдут.

– Ну, бляха муха, ты, Голенев, даешь!? – Такого размаха от прибывшего безбилетника он никак не ожидал: – Раздавим еще пузырь за встречу?

– Нет, старшина, больше пить не будем. Сейчас ты возьмешь лист бумаги, и мы начнем создавать план операции. Без плана в бой одни придурки идут, сам знаешь.

Вихров принес в лоджию ученическую тетрадь в клетку и самописку:

– Чего писать?

– Пиши, номер один – организация кооператива.

– Зачем? У меня же есть кафе. Там в уставе и другая деятельность в сфере услуг подразумевается. Только лишние деньги на оформление тратить.

– Нет, старшина. У тебя жена на сносях. Не хочу твоим делом рисковать. За новое сам отвечу. Так что давай начнем с оформления.

– У тебя, Олежка, ничего с этим не выйдет.

– Почему так думаешь? По-твоему, я тюфяк?!

– Как тебе сказать, командир... – замялся Дима.

– Так и скажи. Не девица, съем и правду-матку с хреном.

– Вот в ней-то, бляха муха, все и дело. Ты же у нас справедливый. За правду готов глотку перегрызть. А чтобы кооператив открыть, нужна не справедливость, а хитрость. Жопу кому лизнуть, денежками подмазать. Иначе прокатят.

– Почему? – Удивился Голенев: – Я же полезное дело предлагаю! В курортном месте, где туристы от жары сохнут, напоить их. Разве от этого кому плохо? Люди жажду утолят, городу налоги пойдут.

– Вот-вот... Ничему тебя, бляха муха, жизнь не научила. Помнишь, в полку у всех новая форма, а ты, капитан, в обносках.

– Ну, это в Афгане. – Возразил Олег: – Там на хозяйстве гнида Петряков сидел. Любил подачки... А здесь мирная жизнь.

– Здесь на таких местах похлестче Петрякова засели. Не подмажешь – не поедешь.

– Допустим, старшина. Что дальше?

– Дальше нам понадобится взвод из смелых пацанов.

– Зачем столько?

– Поначалу твои автоматы с газировкой станут ломать и портить. Следить за хозяйством кто будет? Один всюду не поспеешь. Шпана, бляха-муха, должна знать: нагадил – свое получи.

Голенев вспомнил драку на пляже:

– Ты прав, шпаны у вас хватает.

– Даром, бляха муха, кулаками махать никто не захочет. И чиновников придется кормить постоянно.

– И сколько этих чиновников наберется? Взвод? Рота? Полк?

Вихров усмехнулся:

– Тут военной арифметикой не обойдешься. Подумай, бляха муха, стоит ли начинаться?

– Не дрейфь, справимся. На Саланге пострашнее бывало.

Солнце начинало припекать, Дима зашторил окна, и друзья перешли в комнату. Оксана уже успела приготовить обед, а они все вносили в тетрадь бесконечные параграфы.

– Слушай, мне к себе в кафе надо. – Вспомнил Дима: – Сегодня у меня один деятель свадьбу дочери празднует. Сам все не проверишь, обязательно что-нибудь схалтурят...

– Иди, старшина. – Разрешил Голенев: – Я пока один помозгую. Придешь – продолжим.

Вадим явился через два часа с надувным матрасом в руках. Матрас предназначался Голеневу. Ужинали опять при открытых окнах на лоджии. К ночи оперативный план друзья создали и от усталости валились с ног. Хозяйка уложила спать гостя в будущей детской. В ней все было новое. Обои со слонами и крокодилом Генкой наклеили два дня назад. Супруги готовились поселить здесь свое чадо. До события оставалось больше месяца, и на этот месяц детскую отвели гостю.

Олег спал на мягком надувном матрасе. Ему снилось море, по которому плывут автоматы с газированной водой. Потом они почему-то превратились в гранатометы, а море в афганские предгорья. Он проснулся, вскочил, зажег свет и с удивлением оглядел обои с крокодилом Генкой. Вспомнив, что спит в детской, улегся опять, заснул и больше снов не видел.

Оба друга поднялись рано. Водки не пили. Оксана сварила манную кашу. Друзья ее молча проглотили, так же молча выпили по кружке чая. Олегу не терпелось действовать. Он натянул свою линялую гимнастерку и спросил:

– Начнем с горисполкома?

Вадим оглядел друга с ног до головы:

– Начинать, Олег, придется с тебя. В таком прикиде ты можешь только в порт грузчиком наниматься.

– Да, надо сменку заводить. – Согласился Голенев.

Дима кивнул:

– Сейчас магазины откроются, пойдем тебя наряжать. На это у меня бабок хватит.

Олег полез в свой рюкзачок, достал сверток и, развернув тряпицу, выложил на стол золотые швейцарские часы:

– Этот будильник стоит больше «Жигулей». Сможешь сдать?

– Откуда они у тебя?

– С духа снял, прямо перед ранением. Сохранил чудом.

– Откуда у «духа» такие?

– «Дух» оказался английским. Инструктора шлепнул.

– Ну, ты, бляха муха, даешь! – Изумился Дима, разглядывая часы со всех сторон: – Вещица путевая. Я таких раньше и не видел. Швейцарские?

– «Картье», это их марка.

– Смотри, тут надпись.

– Знаю. Что-то по-английски нацарапано. Я когда-то в училище пятерку по языку имел, да практики нету. Там написано «Bear with honour» Или носи с удовольствием, или с гордостью. Какое-то пожелание и подпись твой отец Чарльз Вайтли.

– Не жалко продавать? Все-таки трофей...

– На дело не жалко...

Через два часа Голенев в новой джинсовой рубашке и белых брюках сидел под большим портретом Михаила Сергеевича Горбачева. Бывшему афганцу предстояло первое свидание с гражданской властью – встреча с чиновником горисполкома. Как выразился Дима, «разведка боем».

Инспектор по работе с кооперативами знал Диму, но не знал Голенева. Он внимательно выслушал все, что ему сообщили будущие предприниматели, и ответил уклончиво:

– Мы приветствуем интересные деловые предложения. Но чтобы запустить такое, надо посоветоваться с руководством города, получить добро в райкоме партии. Без Дмитрия Прокопьевича такой вопрос не решить. – И поглядывая то на одного, то на другого, многозначительно добавил: – Быстро такие дела не решаются.

– Дима, иди к пляжу, я тебя догоню. – Олег подмигнул другу и, когда тот вышел, извлек из кармана белых брюк конверт.

– Альберт Николаевич, здесь две тысячи рублей. Это премия для вас и для тех, кто вам поможет сократить срок оформления нового кооператива до недели. Рад был познакомиться. – И они пожали друг другу руки.

– Взял? – Спросил Дима, дождавшись Голенева на крыльце.

– Как миленький.

Друзья припустили в сквер. В тени акаций Дима стал неприлично громко хохотать. Голенев не понял причины его веселья:

– Чего гогочешь, как жеребец?

Дима, борясь с приступом смеха, пояснил:

– Олег Голенев, бляха муха, искатель справедливости, дал взятку! Запомни это, командир!

– На всю жизнь, старшина. – Пообещал Олег.

– И ты не бросишься с обрыва и не пустишь себе пулю в лоб?

– Чтоб эта сука положила в карман две штуки и их не отработала?! Нет, старшина, такого капитан Голенев не допустит. – Заверил Олег.

– Ты не ему сломал целку. Он, бляха муха, берет каждый день. Ты сам лишился невинности, командир. Понял?

– Я должен заработать десять миллионов баксов. Для этого я не только лишусь невинности, но стану отпетой блядью!

Дима перестал смеяться и тихо спросил:

– Олежка, скажи честно, зачем тебе это? Жадным ты никогда не был. На приличную житуху заработать – я понимаю. Но столько?!

– Не лезь мне в душу, старшина. Мы с тобой нарубим бабки, и каждый их потратит по своему усмотрению. Согласен?

Дима не возражал.

Через неделю свидетельство, разрешающее кооператив по установке на улицах города автоматов с газированной водой, было получено. Но оставалось еще масса технических и кадровых вопросов. На них ушел месяц. Утром Голенев бегал на пляж, делал зарядку, отжимался и плавал, а день отводил подготовке нового бизнеса. Здоровье свое Олег поправил и хромать почти перестал.

В Лазоревске жил еще один ветеран с Афганистана. Звали его Степаном Хорьковым. Он и был похож на хорька – хмурый, не разговорчивый, взгляд колючий. Степан не мог найти работу. Он признался, что умеет только убивать, а в бандиты идти не хочет. Поэтому, стыдно сказать, приходится жить на иждивении мамы и бабушки-пенсионерки.

Выслушав предложение друзей взяться за охрану автоматов с газированной водой, он тут же согласился. Олег был уверен, что такой мужик со шпаной управится. Дело оставалось за малым – достать денег. Поход к «упакованным» приятелям Вихров со дня на день откладывал. Он копил на постройку собственного дома и сумел собрать уже значительную сумму. Пустить ее на рискованное предприятие он был готов, но считал нужным посоветоваться с женой. Этот разговор он переносил, опасаясь за реакцию Оксаны. В другое время старшина не стал бы тянуть с подобным разговором. Но теперь, когда жена готовилась стать матерью, волновать ее опасался. Решился вопрос в спальне, когда Голенев уже посапывал в детской, а Оксана, страдая хронической бессонницей, читала книгу по уходу за новорожденными. Она спокойно выслушала мужа:

– Поступай, как считаешь нужным, Дима. Это твой друг, тебе виднее.

Он поцеловал жену, и на другое утро выложил перед компаньоном семьдесят тысяч рублей.

– Когда ты успел их занять? – Удивился Олег.

– Не важно, командир. – Сказал Вихров. – Можешь покупать свои автоматы.

– Какой процент кредита?

– Так одолжили, бляха муха, без процента.

Олег внимательно поглядел в глаза друга. Старшину его взгляд не смутил. Он решил умолчать, откуда средства, потому что был уверен – узнай Олег правду, от денег откажется.

На следующий день Дима на своем красном «Жигуленке» отвез Голенева в Адлер. Там находился ближайший аэропорт. Олег летел в Прибалтику за автоматами для газированной воды. Паспорт у него теперь имелся, имя осталось прежним, а свою фамилию бывший афганец на одну букву переделал. Она стала звучать как «Голенев».

Проводив Олега до стойки регистрации, Дмитрий вышел на площадь аэровокзала и понял, что хочет пить. В одной из палаток торговали теплым пивом, но обыкновенной, газированной воды он нигде не нашел. «Похоже, капитан дело задумал», улыбнулся он своим мыслям и направился к машине. Подойдя к стоянке, обнаружил своего «Жигуленка» запертым сверкающей серой «Волгой». Водителя «Волжанки» в салоне не было.

– Вот сука, места что ли мало?! Как теперь выезжать? – Перед тем, как отыскать наглеца, он бросил взгляд на номера машины. Увидев три шестерки, почувствовал неприятный холодок на спине и никуда не пошел. Он знал владельца. На серой «Волге» разъезжал известный в округе бандит по кличке Турок.

– Я тебя загородил? Прости, дорогой.

Дима резко обернулся. Сзади стоял владелец «Волги» и два его ближайших поделельника. Турок сладко улыбался, сощуривая темные, косившие глазки:

– Не волнуйся, дорогой «Дымочка». – Так он выговаривал имя Вихрова: – Я сейчас уеду, только перекинусь с тобой парочкой слов... Давай отойдем в тень, под пальмочку. А то здесь слишком жарко.

Дмитрию вовсе не хотелось беседовать с этим субъектом, но выхода у него не было.

Голенев долетел до Риги без всяких приключений. Город ему приглянулся. Чистый, с незнакомой Олегу готикой в старой части, и с очень вежливыми, неторопливыми людьми.

В Латвии имелось и море. Не такое синее, как в Лазоревске, но тоже притягивающее взгляд и манящее в дальние страны. На удивление вновь испеченного бизнесмена, здесь взятки давать не пришлось. Заместитель директора завода-изготовителя товарищ Ян Балдиес быстро понял, что перед ним солидный клиент, и сделка свершилась тут же в кабинете. В Прибалтику новый стиль деловых переговоров проник раньше, чем на остальную территорию страны Советов, и после подписания документа секретарша внесла в кабинет поднос с чашечками кофе и шоколадом.

Единственной проблемой, возникшей между продавцом и покупателем, стала доставка. Ответственность за провоз питейных автоматов по Латвии Ян Балдиес брал на себя, но отвечать за дальнейшее путешествие продукции по необъятным просторам России не собирался. Олегу пришлось нанять парней из числа работников вневедомственной охраны завода. Поручив им сопровождение груза, он вернулся в отель. На формальности, связанные с отправкой, ушло два дня. За это время Олег осмотрел город, съездил на экскурсию в Юрмалу, покатался на яхте. Наутро третьего дня с делами было покончено, и он отправился в аэропорт.

В самолете Голенев выпил немного виски и расслабился. Подготовительный этап безумной затеи близился к концу. Теперь предстояло реализовать замысел. В успехе Олег не сомневался. Он готов был работать по двадцать часов в сутки. Также был уверен, что в курортной зоне Лазоревска, куда наезжает около миллиона туристов, каждый выпьет по стакану его газированной воды. Требовалось разумно организовать сам процесс.

Разглядывая кучевые облака под крылом самолета, бывший афганец неожиданно понял, что в квартирке однополчанина сменил не только старую гимнастерку на фирменную

одежду из дорогого магазина, а также фамилию в паспорте, но и повернул свою жизнь на девяносто градусов. Что теперь ждет его впереди?

Дима был прав, когда говорил, что Голенев никогда не был жаден до денег. Десять миллионов он мечтал заработать вовсе не для себя. Эта история имела глубокие корни. Родившись в маленьком провинциальном городке Глухове, Олег рано потерял родителей. В приюте, куда он попал восьмилетним мальчиком, слишком сладким житье не назовешь. Но ребенок был относительно сыт и имел возможность учиться. Он и учился лучше других. Когда пришла бумага, что одного из сирот готово принять Суворовское училище, он даже не мечтал оказаться счастливым. Но педагоги выбрали Голенева. И директорша Руфина Абрамовна Меджрицкая их поддержала.

В приюте у него остался друг Тихон Постников. Тиша тоже учился на одни пятерки и мог стать юным суворовцем. Но жребий судьбы достался Олегу, и достался справедливо. Тиша Постников, при несомненных способностях к наукам, нрав имел мягкий, Спорт его не увлекал, педагоги даже плавать его научить не смогли. В стычках среди мальчишек Голеневу нередко приходилось защищать друга, и профессия воина подходила ему куда больше. После отъезда Олега они постоянно переписывались. Через год Тихона усыновила местная библиотекаря Галина Николаевна Буракова, и он обрел семью. С тех пор Олег приезжал в Глухов на каникулы и жил у приемной матери Постникова. Галина Николаевна и к Олегу относилась, как к сыну. Дружба двух юношей с годами только крепла. Олег стал офицером спецназа. Его послали в составе группы инструкторов во Вьетнам. Друзья несколько лет не виделись, но переписывались регулярно. Из писем Голенев знал, что Тиша закончил институт, а на первом курсе успел жениться и завести ребенка. Потом Олега перебросили в Афганистан. После первого ранения ему дали отпуск. Стеснять молодую семью он не хотел, и ехать в Глухов не собирался. Но Постников, услышав об отпуске друга, всерьез обиделся. Голеневу ничего не оставалось, как лететь в Глухов. Конечно, прямого рейса в маленький городок не проложили, и летать приходилось через Москву.

В стране начиналась перестройка. Тихон уже работал в промышленном отделе райкома партии и грезил переменами. Он готовил план, как превратить их провинциальный городок в Рай для его жителей. Молодая жена Тихона, Татьяна, так же фанатично верила в перемены. Уложив сына Юлика спать, она присоединялась к мужской дискуссии. Они втроем ночи напролет спорили до хрипоты. Тихон уверял – чтобы оживить городок, надо создать условия для молодежи. Он предлагал построить в Глухове цементный завод, а когда завод выдаст продукцию, начать строительство стадиона. Молодежь получит работу и вместо пьянства и бандитизма займется спортом.

Незаметно для себя идеями друга заразился и Голенев. Олег никогда не проводил время столь интересно. Они обсуждали перемены в стране, штудировали статьи журнала «Огонек» легендарного редактора Коротича. Узнавали массу нового в истории, что раньше от них скрывали цензоры. Олег начинал понимать, что и цели, за которые он воюет, не столь благие и справедливые. Капитан-десантник с каждым днем все больше становился рьяным поборником демократии. Отпуск пролетел, как один миг. Друзья договорились, что Голенев после завершения боевых действий вернется в Глухов.

Он провоевал еще полгода, когда пришел приказ о выводе «ограниченного контингента» из Афганистана. Основную часть войск вывели, а его подразделение осталось охранять ракетную базу. Нападения «духов» участились. Сначала контузило Диму, а через три месяца ранило второй раз Олега. Незадолго до ранения пришло письмо от Постникова. В Глухове затеяли демократический эксперимент, и Тихона выбрали мэром города. Теперь он надеялся, что осуществит все свои мечты. В конце письма он снова звал Олега приехать в Глухов и работать вместе. В родном городке, как и по всей стране, с ростом демократии начал поднимать голову криминал, и молодому мэру требовалась помощь надежного друга.

В ростовском госпитале Голеневу сделали три операции. После второй ему стало немного легче, и он смог вставать. Как-то ночью он уговорил медсестру Варю разрешить ему воспользоваться телефоном. Девушка афганцу не отказала. Олег позвонил Постникову домой и, хотя время было позднее, его не застал. К телефону подошла Татьяна. Она очень переживала за мужа. Тот уже имел утвержденный проект цементного завода, но денег на стройку в области не нашли. По словам Татьяны, Тихон успел добраться до самого Кремля, но и там, кроме моральной поддержки, ничего не получил. Заканчивая разговор, Таня призналась: «Он похудел и стал очень нервным». Голенев поинтересовался необходимой суммой. Тогда он и услышал, что требуется десять миллионов долларов. «Передай Тихону, если выживу, деньги ему достану», – пообещал Олег.

– Самолет идет на посадку. Просьба всем пассажирам занять свои места и пристегнуть ремни безопасности. – Голос стюардессы прервал размышления путешественника. Голенев пристегнулся и посмотрел в окно. Самолет завалил крыло над заснеженной вершиной горы. Они пересекали Большой Кавказский хребет. До посадки оставалось пятнадцать минут.

В аэропорту его никто не встречал, хотя Олег дал телеграмму Вихрову с номером рейса и самолет прилетел по расписанию. Прогулявшись по площади перед зданием аэровокзала, он решил подождать. Уселся в маленьком открытом кафе, закурил и, потягивая бутылку пива, разглядывал пассажиров.

– К вам можно? – У нее были серые печальные глаза и пепельные волосы.

– Можно, если улыбнетесь.

– Зачем?

– Меня друг, кажется, забыл встретить, и вы с таким кислым лицом. Это уже слишком.

Она улыбнулась, заказала стакан сока и снова надулась. Ее маленькие розовые ушки трогательно украшали две жемчужины, а чуть вздернутый носик и пухлые обиженные губы напоминали капризного ребенка, у которого отняли игрушку.

– Все так плохо?

Она посмотрела на него с удивлением:

– Что все?

– Жизнь.

– Шутите?

– Я не умею шутить.

– Папа говорил, что людей без чувства юмора надо опасаться. Вы убийца?

– По профессии – да.

– А говорите, что не умеете шутить. Вы врун.

– Я не врун и не шучу. Каждый солдат убийца. А я солдат... Правда, бывший.

Она задумалась, мило сморщив носик:

– Много вы убили?

– Не всегда удается посчитать. Тех, кого удалось, двадцать шесть.

В ее глазах промелькнул ужас, смешанный с любопытством:

– И вам это нравится?

– Убивать? Это моя работа. Или ты, или тебя.

– Но вас же никто не убил...

– Пытались. Один раз почти получилось.

– Все-таки вы шутите.

– Нисколько.

– Докажите.

Олег расстегнул рубашку и оголил грудь. Она увидела два свежих шрама и вздрогнула. Голенев быстро грудь закрыл:

– Теперь верите?

– Это пули?

– Нет, это ракета, а потом хирурги. От пуль тоже есть, но не заставляйте меня раздеваться в кафе.

– Я вам и так верю.

– Тогда скажите, как вас зовут?

– Ира.

– А меня Олег. Олег Коленев. – Он посмотрел на часы. Они сидели уже сорок минут, а Дима так не появился.

– Сволочь. – Ира сказала это почти про себя, но он услышал.

– Это вы мне?

– Нет, что вы! Это я так. А вы здесь отдыхаете?

– Совсем наоборот. Хочу начать работать.

– А я не знаю, что мне теперь делать. – Она заплакала.

Голенев поморщился:

– Может быть, вы еще и храпите?

– Что?

– Не переносу вареного лука, женских слез и мужского храпа.

– Я не храплю. – Она достала платок, вытерла слезы. – Я не знаю, что мне делать. Я вылетела первым рейсом, а он должен был прилететь этим. Не прилетел.

– Он – это кто?

– Мой женишок. Митенька. Вот гад.

– У вас нет денег, и вы не знаете, как теперь быть?

– У меня полно денег, а как быть, пока не знаю. Лететь обратно – самолет только завтра. Оставаться и искать жилье тошно. Терпеть не могу проблем. Здесь полно кавказцев. Начнут приставать. Одним словом – мрак.

– Могу сопровождать вас до гостиницы и помочь с устройством. На большее времени не имею.

– Я вам буду благодарна.

Олег договорился с частником, довез Иру до ближайшего пансионата «Дружба» на берегу моря, подождал, пока она заполнит бумаги, отнес чемодан в номер и откланялся.

– Спасибо. Черт с ним, с Митькой, раз он такой гад ползучий. Я и сама отдохну не хуже.

Голенев понимал, что Ира пытается скрыть обиду на жениха, но у самой на душе кошки скребутся. Он вернулся в машину и попросил везти его в Лазоревск.

– Завидую тебе, парень. Хороший девочка, персик девочка. – Причмокнул водитель.

– Невеста... – Усмехнулся Олег.

Кавказец решил, что пассажир собирается жениться, и больше Иру не обсуждал. Через пятнадцать минут они въехали в Лазоревск.

– Теперь куда, дорогой?

– На Арнаутскую, шеф, где кафе «Встреча».

Кавказец резко затормозил:

– Слушай, парень, ты не знаешь?

– Что не знаешь?

– Кафе же сгорел. Хозяина убили, его молодой жена убили. Кошмар!

– Погоди, кого убили?

– Ты что, глухой, парень? Хозяин кафе убили Димом звать. Жена его убили, Оксаном звать. Говорят, он через месяц родить собирался...

– Кто убил?

– Моя откуда знает? Люди на Турка думают. Есть здесь такой бандит. Слух был, Дима новое дело открыть собралась. Моя думает, Дима Турка обошел. Турка очень злая. Без него

большой дело нельзя начинать... Моя брат шашлык делает, Турка дань платит. Моя друг жена парикмахерский открыла, Турка дань платит...

– Понял. Поехали.

Кавказец покачал головой и тронул машину. Через пять минут он подкатил к месту, что раньше назвалось кафе «Встреча».

Отпустив частного, Голенев обошел пожарище кругом. Сгорело не только кафе, но и весь дом. Во дворе он обнаружил обуглившийся «жигуленок» Димы.

Отделение милиции находилось рядом, на перекрестке Арнаутской и Плеханова. Начальник милиции, полковник Чуприянов, оказался в отпуске. Голенев хотел найти участкового Миткова, но и его в отделении не застал. Страж порядка уже ушел домой. Олег знал адрес милиционера. Они с Димой навещали его на тему паспорта Голенева. Митков жил через два дома от отделения.

Дверь открыла полная женщина, одетая в спортивные шаровары и розовый бюстгальтер. При виде постороннего мужчины признаков смущения интимностью своего туалета она не выказала. Выяснив, что посетитель желает видеть супруга, распахнула дверь и, крикнув «Гриша, к тебе», удалилась в комнаты.

Хозяина Олег обнаружил на кухне. Митков сидел в семейных трусах и сандалиях на босу ногу и пил пиво. Грудь стража порядка, покрытая густыми рыжеватыми волосами, слегка нависала над животом и лоснилась от легкой испарины.

– Пришел? Так и знал, что придешь. Помянуть надо...

– Настанет время, помянем. Когда это случилось?

– Вчера ночью. Спать совсем не пришлось. То пожарные, то эксперты. А я что? – Лицо Миткова стало жалобным. Но Голенева он не разжалобил:

– Расскажи все по порядку.

– Чего рассказывать? Сплю, врывается Тополев Васька. Старшина как раз дежурил. Ему кто-то сказал о пожаре. Вызвали наряд. Дом уже до крыши полыхал. Когда потушили, нашли. Оба обгорели, как головешки. Я Диму по кольцу опознал. Оксана кольца пару месяцев уже не носила, опухали руки. А он никогда не снимал. Эксперты отработали, а что они могут? Следы все сгорели. Может, замкнуло, а может, еще чего...

– Что значит замкнуло? – Рассвирепел Олег: – Машину Димы тоже замкнуло?! Она за десять метров от дома стояла!

– Может, искра. Пожар большой был.

Олег схватил Миткова за руку, заломил ее за спину, прижал лицом к столу:

– Сука, если ты не выложишь – кто, убью.

– Маня... – Позвал милиционер супругу, но Голенев нанес ему страшный удар в живот. На губах участкового выступила пена, а глаза стали круглыми, как у рыбы.

– Сказал, убью. – Прошипел Олег: – Говори – кто?

– Турок... – Просипел Митков и отключился. Голенев тихо прошел по коридору. Из комнаты, куда удалилась хозяйка, доносился звук телевизора. Голенев понял, что передают очередной сеанс Кашпировского. «У лысого Павла Ивановича Приходько из Днепропетровска через два сеанса начали расти волосы. У Петра Николае...» Голенев не стал слушать, что выросло у Петра Николаевича. Он вышел из квартиры и тихонечко прикрыл за собой дверь.

Ресторан «Ласточка» находился в парке Володарского, на самом берегу моря. Вечерами там играл скрипач Моня Корзон и к пиву подавали раков. Фирменным блюдом ресторана считались тушеные в сметане перепелки. Этих птиц выращивали на ферме под Адлером. За месяц, что Голенев прожил в городе, он все значные места изучил. В «Ласточке» собирались кооператоры. Они любили вкусно поесть и терпеть не могли громкой современной попсы. Кое с кем Дима успел Олега познакомить. Среди них был и владелец табачных киосков Витя Ломакин.

Ломакина Голенев увидел издалека. Тот сидел с двумя грузными мужчинами на открытой, хорошо освещенной веранде, и что-то громко им рассказывал. Олег подошел к столику:

– Мужики, пустите к вашему огоньку.

Ломакин оглядел Олега мутноватым глазом, узнал и жестом пригласил присаживаться.

– Помянуть друга пришел? – Не дожидаясь ответа, наполнил фужер водкой: – Пока горячего не заказали, огурчиком закусишь. – И обратившись к приятелям, добавил: – Это Коленев, кореш и компаньон Димки Вихрова, упокой его душу...

Мужчины пожали Олегу руки и назвали себя. Сергей Кочинков работал врачом санэпидемстанции города, а Валерий Градов оказался капитаном торгового судна. Выпили не чокаясь. Олег в качестве закуски пожевал листик салата:

– Где найти Турка?

Виктор оглянулся по сторонам:

– Зачем тебе?

Голенев ответил, будто они говорили о пустяках:

– Хочу посмотреть на этого мужика.

Кочинков усмехнулся:

– Если продолжишь свой бизнес, он сам тебя найдет.

Голенева ответ не устроил:

– Я бы не хотел долго ждать. Кто-нибудь скажет, где обитает Турок?

Ломакин наполнил свою рюмку:

– У него дом на Черной речке. Больше дюжины шестерок в охране, и ездит он всегда с телохранителями. На первой машине четверо, на второй он сам, на третьей еще четверо. – И залпом выпил.

Олег не дал ему закусить:

– На чем ездит?

– Все три «Мерседеса».

– Спасибо, мужики.

Друзья проводили его взглядом, и пока Голенев не скрылся за пальмами парка, не проронили ни слова. Хорькова Олег застал во дворе. Степан возился с двигателем старого «комби» Ижевского завода и приходу афганца не удивился. Олег протянул руку. Степан вытер свою, испачканную в машинном масле, и ответил на рукопожатие. Посетитель сразу перешел к делу:

– Ствол есть?

– Нету.

– Где взять?

– Живет тут один Карлик под Адлером.

– Адрес?

– Тебя не примет.

– Напиши записку.

– Без толку, почерка не знает.

– Что делать?

– Садись в машину.

Степан захлопнул крышку капота, принес из гаража две канистры бензина. Одну убрал в багажник, из другой залил горючее в бак, протер руки смоченной в бензине тряпкой и сел за руль.

Водил он так, словно это была последняя поездка в его жизни. Неказистый универсал Ижевского завода, повизгивая резиной на поворотах, шел за сотню. Олегу все время казалось, что он вот-вот рассыплется. Но ветеран держался.

– Где ты его откопал? – Поинтересовался Голенев.

- Бати машина.
- Отец жив?
- Помер.

Не доезжая Адлера, они свернули в гору. Каменистый проселок круто уводил вверх. Движок едва тянул подъем на первой скорости. Они въехали в старый мандариновый сад и остановились возле дома. К машине бросились три здоровенных волкодава. Зверюги скалились в окна и громко брехали. Степан выключил фары и нажал два раза на сигнал. Через несколько минут дверь дома отворилась, и из нее, пригнув голову, появился огромный мужик. Голенев присвистнул:

- Это и есть твой карлик?!
- В нем два пятнадцать. Карликом его прозвали братья. Они еще выше.

Карлик-великан что-то шепнул собакам, волкодавы поджали хвосты и исчезли. Степан выбрался из машины и поздоровался с мужиком за руку. Хорьков и сам был не коротышкой, но рядом с хозяином дома выглядел десятилетним ребенком:

– Привет, Хорек. Давненько тебя не видел. – На удивление Голенева, огромный человек говорил тонким, почти женским голосом: – А это с тобой кто?

- Свой.

Олег вышел и протянул великану руку:

- Бывший капитан, афганец.

– А я Илюшка, по кличке Карлик. Можешь Ильей величать, а можешь и прозвищем, мне до фонаря. С чем приехали?

Степан кивнул на Голенева:

- Он скажет.

Олег выступил вперед:

- А что у тебя есть?

Хозяин вынул из кармана две черных тряпицы, ловко завязал им глаза, взял, как детей, за руки и повел по тропинке. Через двадцать метров сад уперся в скалу. Карлик плечом налег на огромный плоский камень и легко его сдвинул. Камень скрывал нишу. Великан включил фонарик и осветил ее содержимое.

В оружии Олег разбирался неплохо. Помимо легендарного Калашникова, ему доводилось стрелять из короткоствольного израильского автомата «узи», английского «стерлинга» и даже американского «игрэма», но здесь он увидел нечто другое.

В небольшой пещере в навал громоздилось оружие времен второй мировой войны. Ржавчины на боевом антиквариате Голенев не заметил. Металл поблескивал слоем смазки, как в армейском оружейном складе. Кроме автоматов, пистолетов и винтовок, в нише хранилась чугунная ванна, до краев наполненная минами и гранатами самых разных систем.

Олег наклонился и внимательно оглядел оружие:

- Откуда трофеи?

– Раскопки. Люди находят, я довожу до ума, а потом коллекционерам, вроде вас, впиливаю.

- Оружие боевое?

Карлик засмеялся тонким голосом:

– Со времен изобретения пороха и кремневого ружья очень мало придумали нового в стрелковом оружии. Повысилась скорострельность и дальность. А принцип остался неизменен – дуло, порох, свинец, курок.

Голенев поморщился:

- Кончай лекцию.

– Отвечаю на твой вопрос об оружии. Если оно не изменилось за три столетия, то уж за каких-то пятьдесят, семьдесят лет и подавно.

Голенев повертел в руках «Шмайсер», но выбрал любимый эсэсовцами автомат «МП-40» и три боекомплекта:

– Пожалуй, хватит.

Хорьков тронул Олега за плечо:

– А мне?

– Зачем?

– За тем же.

– Бери.

Степан прихватил один «кольт» двадцать первого калибра и вытащил из ванной пяток гранат. Олег достал из кармана бумажник:

– Сколько за все?

Великан долго прикидывал, беззвучно шевеля губами:

– Две тысячи.

Голенев отсчитал деньги. Карлик сунул их за пазуху, снова завязал им глаза и довел до машины:

– Удачной вам охоты, господа.

– Спасибо, Карлик. Удача нам не помешает.

Через пять минут они спустились к шоссе. Перед выездом на трассу Степан спросил:

– На Черную речку?

– Ты догадливый.

Хорьков сплюнул в открытое окно, и вырулил на шоссе. Минут сорок ехали молча. Остановились за мостом. Небольшой ручей тек по трубе, проложенной в скальной породе. Труба была широкой, а ручей почти пересох. Они прошли по ней метров десять и начали стрелять. Голенев выпустил короткую очередь, Степан разрядил обойму пистолета. Оружие осечек не давало. Когда вернулись в машину, Голенев спросил:

– Ты хорошо подумал?

– Меня наняли на работу.

– Задачи изменились.

– Не имеет значения.

До поворота на «Черную речку» они больше не разговаривали. Дом Турка стоял на берегу, в километре от форелевого хозяйства. Они загнали машину в рощу молодых акаций и, прихватив оружие, двинулись вдоль берега.

Турок много и долго ел. Еда с некоторых пор сделалась главным удовольствием его жизни, естественно, не считая денег. Раньше он любил еще и юных девушек. Настолько юных, что связь с ними нарушала уголовный кодекс. Как-то ему привезли белокурую туристку. Ее похитили с пляжа его люди. Хорошенькая, с кукольными глазками, почти ребенок, она была в его вкусе. Девчонку приволокли в спальню, раздели и оставили с ним наедине. Уголовник набросился на нимфетку, как голодный волк на ягненка, но его мужской инстинкт отказал. Девочку замуrowали в бетон фундамента гаража, который он тогда строил. Неудача показалась бандиту случайной. Но и еще несколько попыток окончились для него и его жертв столь же плачевно. Врачи посоветовали сделать перерыв в сексуальной практике. Но через месяц все повторилось снова. Больше всего встревожила Турка даже не его мужская слабость, а неприязнь, которую начали вызывать у него особы прекрасного пола. Если раньше он воспринимал хорошенькую девицу как приятную красивую вещь, то теперь при виде обнаженного женского тела его передергивало.

Сухумский авторитет Вано Жвания, которому после изрядной доли алкоголя он поведал о своей беде, посоветовал ему попробовать мальчика или козу. Но Турок с возмущением отказался. Бандит никогда не был извращенцем.

С тех пор прошло два года, и он стал обжорой. Хотя никогда не заказывал разнообразных блюд. Он требовал одного, но сработанного по высшему разряду. Сегодня он ел сациви. Повар Отар не подкачал. И грецких орехов и зелени добавил в меру. Курица таяла во рту. Турок разломал лепешку и собрал ею остатки соуса с тарелки. Несмотря на позднее время, спать ему не хотелось, играть в нарды со своим отрепьем тоже. Он выпил еще фужер молодого кахетинского вина и стал размышлять, с чего завтра начнет день. Утром он ждал шестерку из Ростова. Тот скупал в Ростове квартиры, которые продавались по дешевке, и вез Турку отчет.

От размышлений отвлек внезапный грохот на первом этаже. Послышался звон разбитого стекла, два взрыва и автоматные очереди. Турок нападения не опасался. Уничтожив всех конкурентов, он держал Лазоревск, Сочи и прилегающие города в своих руках, а с грузинскими авторитетами отношения поддерживал дружеские. Сделав вывод, что передрались его телохранители, он выскочил из столовой и побежал в кабинет. Там у него хранился целый арсенал оружия. Но открыв дверь, замер на пороге. За его письменным столом сидел молодой человек с чуть седеющими висками и смотрел на него не то с любопытством, не то с грустью. Перед парнем лежал автомат неизвестной Турку марки.

– Заходи, есть разговор.

Бандит не двигался. Он сообразил, что звать охрану глупо. Если в его кабинете сидит незнакомец, значит, либо охрана перебита, либо перекуплена. На мгновение его посетила мысль, что в кабинете чекист. Но тут же вспомнил парня. Перед ним сидел компаньон Вихрова, Олег Коленев. Бандит видел его один раз в аэропорту, но память на лица он имел отменную.

– Это не я. – Сказал Турок и побледнел.

– Присаживайся, есть разговор. – Повторил незванный гость и указал хозяину на кресло для посетителей. Турок не двигался, ноги приросли к полу. Внезапно он почувствовал, как его взяли за локти и внесли в кабинет, и сам не понял, как очутился в кресле. Но локти его не освободились. Наоборот, их кто-то туго прикручивал изолентой к подлокотникам. Ноги его так же туго прикрутили к ножкам кресла. Теперь он мог шевелить одной головой.

Голенев взял автомат в руки:

– Если ты расскажешь честно, как убил Диму и его жену, я тебя пристрелю, и ты не почувствуешь боли. Если будешь крутить, сгоришь живьем.

Турок сначала ощутил запах бензина и только потом, скосив глаз, увидел Хорькова. Степан спокойно поливал ковер из канистры.

– Жду? – Напомнил Олег.

– Я их не убивал. Это Крот и Саня.

– Где они?

– Охраняли дом.

– Приметы?

– У Крота перстень с буквой «К», У Сани нет пальца на правой руке. – Больше говорить Турок не мог. Его вытошнило. Все съеденное сациви оказалось на брюках.

Олег поморщился от вони, которая распространилась по кабинету, и переложил автомат в другую руку. Турок замычал, выплюнул изо рта остатки ужина и торопливо затараторил:

– Я им велел заставить твоего компаньона подписать договор. Вихров отказался, и они проявили самодеятельность.... Мне их самому жалко. Я тебе дам денег.

– Сколько?

– Пять миллионов.

– Мало.

– Семь.

– Тоже мало.

– Больше в доме нет.

– Где?

– В сейфе. Ключ в столе.

Олег открыл ящик письменного стола и достал связку ключей:

– Какой из них?

– Самый длинный, а сейф под той картиной.

Голенев бросил ключи Хорькову. Степан поймал связку, поставил на пол канистру и пошел к картине. Сняв со стены пейзаж с морским видом, он открыл ключом сейф:

– Да, деньги есть.

Голенев выстрелил Турку в голову. Тот дернулся и затих.

В бандитском сейфе, кроме денег, хранилось несколько дорогих женских безделушек с крупными камнями и золотые наручные часы. Олег часы узнал. Это были его трофейные «Картье». Турок или ограбил скупщика, или откупил часы у него. Голенев усмехнулся и спрятал «Картье» в карман. Пачки сторулевых банкнот занимали почти весь сейф. В карманах их не унесешь. Хорьков сорвал с окна занавеску, и они вдвоем быстро уложили в нее содержимое сейфа. Узел получился внушительный. Степан взвалил его на плечи, и они двинулись из кабинета. На пороге Олег обернулся и выстрелил в ковер. Пропитанная бензином шерсть вспыхнула. Кресло с мертвым бандитом оказалось в эпицентре пламени. Через минуту взорвалась канистра с остатками бензина. Когда они спустились вниз, полыхал уже весь кабинет. На лестнице лежали погибшие в перестрелке охранники. На руке одного поблескивал золотой перстень. Олег наклонился и разглядел букву «К». Рядом лежал беспалый. Он еще шевелился. Хорьков добил его выстрелом в затылок и выбросил пистолет. Голенев покривился, но ничего не сказал. Перед тем как покинуть горящий дом, он заглянул на кухню. Там сидел привязанный к стулу повар Отар. Голенев поднял его вместе со стулом, и вынес из дома. Хорьков мрачно дождался, пока Олег развяжет повара и поставит его на ноги.

– Надо и его было шлепнуть.

– Пусть кормит людей, у него хорошая профессия. – Возразил Олег и подтолкнул Отария в спину. Тот сделал два неуверенных шага и вдруг побежал. Бежал он так быстро, что угрюмый Степан не смог сдержать улыбки.

Когда они добрались до машины, дом Турка напоминал горящий факел. Еще долго зарево отражалось в зеркале заднего обзора. Подъезжая к Лазоревску, они встретили две пожарные машины. Они неслись навстречу, мигая спецсигналами и завывая сиреной.

– Пусть теперь тушат. – Усмехнулся Степан.

– Конечно, пусть. Заодно установят причину пожара. Скорее всего, замыкание в проводке....

– Ты о чем? – Не понял Хорьков.

– Так, вспомнил слова участкового Миткова. Он про пожар в доме Димы так и сказал: «может, замкнуло, а может, еще что».

– На этот раз точно «еще что». – Ответил Степан и завернул во двор своего дома.

Через два дня из Риги пришли контейнеры, и Голенев получил автоматы для газированной воды. Занимаясь их установкой, ему пришлось по несколько раз в день встречаться с различными чиновниками. Все вопросы решались мгновенно. Сначала он не обратил внимания на столь радушное отношение к своему проекту. Но когда начальник милиции Чуприянов, с которым предприниматель пожелал подписать договор об охране своей техники, пригласил его в кабинет и выставил на стол бутылку коньяка с лимоном, поразился подобному радушию. Договор был тут же подписан, и даже малейшего намека на взятку не последовало.

– Чудеса какие-то. – Поделится Олег своими наблюдениями с Хорьковым.

Степан вовсе не удивился:

– Ты не понял, капитан? Ты теперь авторитет. Занял турецкое место. Скоро тебе все дельцы деньги потащат. А чиновники затаятся, подождут, пока заматереешь, и сам догадаешься.

– О чем?

– О том... Они тоже кушать хотят.

– Да ладно тебе. – Отмахнулся Голенев. Но оказался не прав. В новый офис, который Олег арендовал в центре города, явился Виктор Ломакин. Присев за стол и поговорив о пустяках, он, помявшись, извлек из кейса конверт и неловко сунул на стол.

– Что это? – Не понял Олег.

– Твоя доля с моей прибылью. Раньше Турку давал. Нужна же крыша...

Олег матом никогда не ругался. Но тут зло напомнил Виктору о его матери:

– Если еще раз сунешься с этой дрянью, прибылью.

– Я же хотел, как лучше. В городе не один бандит. Турок всех в кулаке держал. Его нет, они быстро голову поднимут. Лучше одному платить, чем всей этой сволочи.

Голенев не ответил. Он думал. Ломакин ждал. Наконец Олег взял конверт, высыпал из него деньги и пересчитал. Ломакин принес тысячу:

– Витя, знаешь, сколько бывших афганцев в Лазоревске?

– Нет, но могу узнать.

– Сделай одолжение.

– Зачем тебе это?

– А сколько в городе кооператоров?

– Человек сорок или пятьдесят. Точно не скажу.

– Если все скинутся по двести рублей, сколько получится?

Ломакин считал быстро:

– Если пятьдесят на двести – десять тысяч.

– Давай наймем десять безработных мужиков-афганцев и дадим им по тысяче в месяц зарплату. Это же очень хорошая зарплата?

– Министр меньше получает. – Согласился Виктор.

– Они составят подвижной отряд с круглосуточным дежурством. Если наедут на какого кооператора, тот обращается в отряд. Афганцы проводят со злоумышленником разъяснительную работу – и вопрос снят.

– Неплохая мысль. – Улыбнулся Ломакин. Голенев вернул ему восемьсот рублей, оставив двести в конверте:

– Будем считать, что ты уже месячный взнос сдал. Иди, ищи афганцев.

– Надо с военкомата начать. У них все ветераны на учете.

– Это теперь твоя головная боль. – Голенев встал и проводил Виктора до двери. В приемной ждал следующий кооператор. Он тоже пришел с конвертом...

Вано Жвания в отличие от Турка ел мало. Он делал по утрам зарядку и придирчиво следил за своей фигурой. Да и с потенцией у рослого, атлетически сложенного бандита проблем не возникало.

Каждое утро Жвания начинал с весов. Он весил восемьдесят четыре килограмма, и если весы показывали хоть на сто граммов больше, весь день ходил мрачным. Вчера Вано отсидел на свадьбе сына секретаря райкома, съел и выпил больше обычного, и сегодня весы его огорчили. Жвания прибавил за сутки полкило. Причин столь неумеренного поведения гостя было несколько. В доме Кабурия, секретаря Очемчирского райкома партии, он чувствовал себя скованно. За столом сидели тузы из самого Тбилиси. Но и от Кабурия бандит сильно

зависел. Вано жил в Очемчирском районе. А дом Жвания являлся крепостью для хозяина вовсе не в переносном, а самом прямом смысле. Он стоял на утесе, над самым морем, и попасть к нему можно было лишь по узкой бетонке, пробитой в скале. Двухэтажный особняк, смахивающий на средневековый замок, окружала стена из толщенного камня, одно из окон которой выходило прямо на дорогу. Жвания отменно стрелял, и мог с одного выстрела уложить любого незваного визитера, оказавшегося на бетонке. Но больше всего гордился бандит потайным лазом. Он мог спуститься по нему в грот, где стояла его великолепная моторная лодка с японским двигателем. Ни один пограничный катер догнать ее бы не сумел. Такой дом быстро не возведешь, и Вано старался угодить хозяину района при первой возможности. Помимо всего прочего, Жвания очень дорожил дружбой секретаря райкома, служившей ему некой гарантией от всевозможных бед. Он уже отсидел в тюрьме и больше туда не рвался. Магаданский климат южанин переносил плохо. Поэтому на свадьбе сына Кабурии, Алика, он пил столько, сколько требовал тамада, и ел столько, сколько угощала хозяйка. А жена секретаря райкома Ирма угощать любила.

Вот и результат – полкило лишнего веса. Вано выругался, спустился к морю не по лазу – им он пользовался только в крайних случаях, – а по ступенькам в скале, и поплыл. Чтобы сбросить излишек веса, ему предстояло проплыть три километра вдоль берега в сторону Сухуми, а затем вернуться. Только после этого он имел право позавтракать. Он уже обогнул мыс, что означало треть дистанции, когда услышал на берегу крики. Мужской голос выкрикивал его имя. Голос Вано узнал. Козлиный, слегка завывающий тенор принадлежал его помощнику, телохранителю и другу Вахтангу Самонидзе. Прохрипев грязное ругательство, Вано резко повернул к берегу. Вахтанг стоял на камне и махал ему чем-то большим и белым. Подплыв ближе, бандит понял, что большое и белое – не что иное, как его собственный банный халат.

– Ты же знаешь, мудака, что я терпеть не могу, когда мне мешают плавать. – Пытаясь не сорвать дыхание, обругал он помощника.

– Прости, батано Вано. Но дело важное.

– Какое может быть дело. Человек плавает, вот это дело. – Возразил босс, выбираясь из воды: – Выкладывай.

Вахтанг усадил хозяина на теплый камень и закутал его в халат:

– Турка сожгли.

– Как сожгли? Турок не кролик и не таракан.

– Батоно, там нашли старый немецкий автомат, много оружия, а от Турка и его людей остались только обгорелые кости.

– Ты мне помешал плавать, чтобы сообщить это?

– Да, батано. Я подумал, что вам это важно.

– Ты воображаешь, если бы я проплыл весь свой маршрут, Турок бы успел воскреснуть. Дурак...

Но слова бандита являлись скорей бравадой, чем выражали его мысли. Смерть Турка, державшего под собой обширный регион юга России, для Вано имела серьезное значение. У них сложились вполне удобные отношения и развивался общий бизнес. Турок распространял в курортной зоне наркотики, которые Вано получал из Турции. Этот бизнес пять лет назад и послужил появлению клички «Турок». Павлик Курагин, как значился Турок по паспорту, быстро наладил сеть распространителей и сам превратился в босса. Они с Вано работали на равных. Жвания не вникал в мелочи. С гибелью Турка все его связи рушились, и Вано вынужден теперь думать о новых партнерах.

– Кто?

– Что вы сказали, батано Вано? – Долгая пауза расслабила внимание Вахтанга, и он не успел проследить за мыслью босса.

– Я спрашиваю, кретин, чьих рук дело?

– Пока никто не может понять. Но ходят слухи, что один бывший афганец отомстил Турку за своего компаньона.

– Сильный человек. – Вывел Вано и опять надолго замолчал.

– Я могу навести справки и выдать вам, батона, более точную информацию...

– Сделай это для меня, Вахтанг. Но тихо. Если в Лазоревске появился новый хозяин Юга, я хочу об этом знать. Но он знать обо мне не должен.

Больше Жвания плавать не стал, он выбрался на дорогу и сел в открытое розовое «Шевроле». Вахтанг уселся за руль, и они покатали к дому бандита. Встав снова на весы, Жвания очень обрадовался. Несмотря на прерванное плавание, он сбросил целых шестьсот граммов. Видно, новость о смерти «коллеги» недостающие километры заплыва компенсировала.

В первый же день газированная вода принесла Голеневу в три раза больше денег, чем он рассчитывал. Из пятидесяти точек только один автомат оказался испорченным. Хорьков проморгал. В остальных шести случаях он успел вовремя. Прибыль с каждым днем могла увеличиться. В городе начинался курортный сезон, и отдыхающие прибывали толпами. Подсчитав выручку и сдав деньги в банк, предприниматель загрустил. Как было бы здорово отметить этот день с Димой. Друг поверил в его идею, нашел деньги. Но Димы больше нет... Он мог бы пригласить в ресторан Степана. Но Хорьков должен нести охрану автоматов, и отвлекать его нельзя. Голенев вспомнил Иру.

Пансионат «Дружба», куда он поселил девушку, находился в пятнадцати минутах езды от Лазоревска. Олег поднял руку и остановил частника. На его удивление, за рулем сидел тот же кавказец, который катал Иру в их первую встречу.

– Невеста едешь? Молодец. – Похвалил водитель пассажира: – Такой персик оставлять долго нельзя... Кто-нибудь надкусит.

В номере девушки не оказалось. По словам администраторши, она ушла на пляж. Олег поблагодарил и направился к морю. Пансионат «Дружба» имел свою, отгороженную забором, территорию берега.

В седьмом часу вечера большинство отдыхающих купались и грелись на пляже. Оглядев публику, Олег ни среди пловцов, ни среди любителей загара Иру не обнаружил. Двигаясь между телами в купальниках, он внимательно разглядывал каждого. Одна девица принимала солнечные ванны чуть на отшибе. По фигуре она походила на Иру, но лицо купальщица прикрыла от солнца полотенцем.

Голенев подошел на несколько шагов и громко произнес: «Ира»! Полотенце отлетело в сторону, и Олег тут же узнал девушку. Она его тоже:

– Вы?

Он присел рядом:

– У меня сегодня, можно сказать, первый рабочий день, а отметить не с кем. Поужинаем?

– Ой, с удовольствием. Я с территории не выхожу. Надоели местные донжуаны. Все на одно лицо и глазки масляные. Они мне уже снятся. Подождете, я переоденусь?

Олег кивнул и с удовольствием посмотрел ей вслед. Ира успела загореть и выглядела прекрасно. Бизнесмену самому хотелось искупаться, но плавок он не имел, а при народе забраться в воду голышом стеснялся. Пришлось ждать на лавочке.

– А вот и я.

Он оглянулся и внимательно оглядел ее с ног до головы. Если в прошлый раз он встретил обиженного городского ребенка, то теперь перед ним стояла смуглая, уверенная в себе красавица:

– Быстро ты оклемалась. А я думал, без жениха зачахнешь.

- Митька приезжал, только меня не нашел. Не захотела его видеть.
- Отчего же такая суровость с возлюбленным?
- Если ему дела важнее, пускай на своих делах и женится...

Олег остановил машину. Они доехали до парка Володарского и перед тем как отправиться в ресторан, немного погуляли.

– Наверное, очень скучно работать, когда все вокруг отдыхают? – Не то спросила, не то предположила Ира.

- Мне пока скучать не пришлось. Проблем оказалось гораздо больше, чем я думал.
- Поэтому вы такой грустный?
- У меня друг погиб. – Он не хотел говорить. Само вырвалось.
- Как погиб? – Ира остановилась, и зрачки у нее расширились.
- Убили.

Она больше ни о чем не спрашивала, а только взяла его под руку. Они зашли в ресторан. По тому, с какой скоростью к ним подлетел официант и усадил их за столик у самой эстрады, Голенев понял, что его уже в городе знают. Скрипач Моня Корзон тут же взял скрипку и начал играть. Он медленно сошел с эстрады, приблизился к их столику и так и стоял, пока не закончил свое танго.

– Спасибо. – Поблагодарил Олег.

Старый еврей галантно поклонился:

– Это вам спасибо, молодой человек.

– За что? – Удивился Голенев.

– За смелость. В наше время это качество у мужчин встречается весьма не часто. Я вам должен сказать, мы все вами восхищены. Ваша подруга, эта прекрасная барышня, может по праву гордиться своим кавалером. – И он, заиграв снова, медленно попятился на эстраду.

– Оказывается, вы знаменитость. – Ира посмотрела на него долгим заинтригованным взглядом.

Олег вынул гребенку и причесался. Так он всегда прятал смущение.

– Признавайтесь, чем заслужили народное признание?

– Старик меня с кем-нибудь спутал. – Олег сам не знал, чем обязан порыву старого музыканта в его адрес.

Они еще не успели сделать заказ, а официант принес перепелок и вина. Ира ела дичь первый раз в жизни. Олегу приходилось, но вовсе не в ресторане. Возле ракетной базы, которую они охраняли в Афгане, водились дикие козы. Один раз ему удалось подстрелить козла, которого они сварили в большом казане. Мясо оказалось жестким и не очень вкусным.

– Чего ты ее вилок ковыряешь? – Она сама не заметила, как перешла с ним на «ты». – Я слышала, дичь положено руками брать. – И подала пример. Олег понял – маленькую птичку есть руками куда удобнее. Перепелки в сметанном соусе имели нежный изысканный вкус. Вино тоже оказалось отменным. Они выпили по бокалу. Тут же на столе появилась вторая бутылка.

– Я, кажется, не заказывал? – Удивился Олег.

– И не надо. Вы сегодня гости нашего директора. Все бесплатно.

– Ничего не понимаю. Объясните?

– Я выполняю распоряжение своего босса и ничего объяснить не могу. – Улыбнулся официант: – А вот и он сам.

К их столику подошел полный человек небольшого роста. Голенев слышал, что ресторан «Ласточка» принадлежит некому Греку, но имя это, кличка или фамилия, не уточнял.

– Я Артур Иванович Лескопулос. В городе меня все зовут греком, но мама у меня русская. Как вам наша кухня?

– Кухня у вас классная. Но объясните, почему с меня не хотят брать денег?

– Уважаемый Олег, мы знаем, что вы потеряли друга. И знаем еще кое-что, о чем я сообщать воздержусь. Я польщен, что вы оказали честь нашему ресторану, и прошу Вас и вашу спутницу быть сегодня моими гостями. – Проговорив все это, Артур Иванович чинно поклонился и отбыл в сторону кухни. Ира подняла бокал:

– За тебя. Видишь, ты знаменитость, и нечего скромничать.

Голенев снова достал расческу:

– Хотя я сам ничего не понимаю, ну и ладно. – И они выпили.

– Расскажи мне про своего друга? – Попросила Ира.

– Мы воевали вместе. Месяц с лишним назад я приехал сюда. Дима достал денег на мой проект. Теперь Димы не стало, а я не могу узнать, кому должен. Кого не спрошу, все отказываются.

– Ты его любил?

– Димку? Не знаю. Это слово не очень подходит. Можно любить свою руку или ногу?

А вот когда тебе ее отрежут, поймешь, чего лишился...

На глазах Иры выступили слезы:

– Я поняла.

Скрипач Моня заиграл вальс и снова спустился к ним:

– Танцуйте. Это старинный вальс Маньчжурские сопки. Он звучал для воинов, которых уже мало осталось...

Они вместе поднялись и закружили по залу. С других столиков тоже стали подниматься пары. Скоро все свободное пространство зала заполнилось танцующими. Слезы на глазах Иры высохли.

– Где ты так научился танцевать вальс?

– В Суворовском училище. Там обучали бальным танцам.

– Ты окончил Суворовское?

– Да.

– Как ты туда попал?

– Из детдома.

– Ты сирота?

– Не совсем. У меня на родине остался друг, вроде брата. Его мама и для меня как родная.

– Он тоже с тобой воевал?

– Нет, мы вместе с детдома.

– Как же так? У него же мама?

– Тетя Галя ему не кровная мать. Она Тихона усыновила. Но, тетя Галя лучше многих родных матерей...

Скрипач закончил играть, но пары не расходились.

– Семь сорок! Выдай семь сорок, Моня. – Раздались голоса. Корзон поднес смычок к струнам, выдержал паузу и начал выводить мелодию. Сперва медленно, потом все быстрее и быстрее. Скоро смычка в его руках уже видно не было. Он словно растворился в воздухе, как лопасти вертолета. Заводная мелодия подхватила танцующих. Они устроили хоровод. Голенев не знал еврейских танцев, но Ира отплясывала рьяно, и он, как мог, поддерживал ее пыл. Пока они прыгали, официант успел убрать пустые тарелки и принес фрукты.

– Ты волшебник. – Улыбнулась Ира, усаживаясь за стол.

– Я учусь. – Ответил Олег и улыбнулся ей в ответ. И от этой неожиданной улыбки всегда серьезное и немного грустное его лицо помолодело, сделалось озорным и очень красивым.

– Как хорошо ты улыбаешься. Я первый раз за весь вечер заметила у тебя улыбку.

– Я редко улыбаюсь. – Признался Голенев и разлил вино им в бокалы: – Я хочу выпить за Митю.

Она вытаращила глаза:

– За какого Митю?

– За твоего жениха. Какой он молодец, что не прилетел тем рейсом.

– Дурак ты, и уши холодные. – Она вдруг рассмеялась.

– И хорошо. Нельзя же быть всегда умным.

– Ты еще и похвальбушка. – Она чокнулось с ним и прошептала: – Я пью за Митю. Пусть ему с кем-нибудь будет так же хорошо, как мне с тобой. – Положила свою загорелую ручку на его ладонь и добавила совсем тихо: – Хоть на один вечерок.

– Извините, что помешал, но я обязан это сделать. – Перед ними стоял скрипач и держал в руках огромный букет роз: – От нашего директора, от меня, и всех работников ресторана самой прекрасной даме. – И он вручил букет Ире.

– Спасибо. Какие вы все хорошие.

– Мы самые обыкновенные, это вы с вашим кавалером особенные. Будьте счастливы.

Когда они шли к выходу, многие мужчины покинули свои столики, чтобы позвать Олегу руку.

– Привет, мужик. Я Коля Дерибасов, у меня мастерская на Ленина. Любую обувь починю и денег не возьму. Только приходите.

– Олег, я Василий Чумакин с Плехановской. У меня цех по пошиву женской одежды. Приводи свою красавицу в любое время. Все отложим, а ей сошьем.

– Я часовщик Прохайкин Лева. Не знаю, есть ли у вас часы. Если нет, тоже приходите. Подберу, какие не купите в магазине...

Не расставаясь с расческой, Голенев с трудом провел Иру к выходу. Они спустились к морю и поцеловались. К их ногам тихо и нежно подкатывали волны, над головами в черном южном небе нестерпимо ярко искрились звезды, и жестко, но страстно позванивали пальмы своими железными листьями, из ресторана тихо доносилась скрипка Мони Корзона, и весь мир сейчас принадлежал только им.

– Какой хороший добрый Боженька. – Шептала Ира, то прижимая к себе букет роз, то обнимая Олега: – Он мне подарил тебя. Наверное, потому, что я не злилась на Митьку. Просто поняла, что я у него не главное. И Боженька меня пожалел...

Они не захотели брать машину, и зашагали к ее пансионату пешком. Асфальт остыл после жаркого дня, перестал быть вязким, и ее каблучки выбивали звонкую дробь. Иногда они неожиданно срывались на бег и мчались друг за другом. Когда уже до ворот оставалось совсем немного, она сломала каблук. Олег поднял ее и понес на руках. Он ее, она букет.

– Зачем? Я могу босиком. – Смеялась Ира. Но он и не думал отпускать драгоценную ношу. Возле входа она чмокнула его в губы и убежала. Голенев постоял некоторое время, обошел здание пансионата и стал смотреть вверх. Через несколько минут ее темное окно на третьем этаже зажглось. Олег увидел пожарную лестницу и полез вверх. Ирин балкон находился в метре от лестничного пролета. Он поднялся выше, раскачался и прыгнул. В прыжке зацепил ногой перила, но боли не почувствовал. Ира ставила цветы в воду и не заметила, как он вошел. Он обнял ее сзади. Розы посыпались на пол. Олег увлек ее на тахту, уложил и осторожно снял платье. Она, золотистая от загара, с пепельными волосами, заставляла его сердце сжиматься от восторга. Какое бесконечно пьянящее чувство обладать красотой. За это не жалко ничего, даже жизни. Настоящая женская красота куда дороже золота и бриллиантов. Недаром драгоценности мира так легко падают к ногам красивых женщин.

Голенев не торопил близость. Он целовал ей грудь, живот, белую полоску кожи на бедрах, куда не коснулось солнце, гладил волосы. Она прикрыла глаза и чуть улыбалась. Давала собой любоваться и сама наслаждалась своей щедростью. Он овладел ей нежно и осторожно,

словно боялся испортить этот драгоценный и хрупкий сосуд. Без звериной страсти мужчины, которая иногда так нужна женщине, а как продолжение поцелуя или танца. Потом она принялась рассматривать его. Трогала шрамы, водила пальцем по начинающим сесть вискам. Она изучала его, как нечто незнакомое, упавшее в ее постель из другого космического мира. Он и был для нее пришельцем с иных планет. У нее дома говорили о Пушкине, смотрели канал «Культура», спорили о писателе Пелевине и изысканно ругались матом. А он вырос безродным волчонком и научился только убивать. И может быть, в его обожании хрупкой домашней девочки было нечто от тоски по семейному уюту, по дому с родной и близкой женщиной, по сказке, которую ему никто не рассказал в детстве.

Он ушел на рассвете. Вылез из окна туалета на первом этаже, спрыгнул в сад и понял, что идти не может. Вчера, во время прыжка с пожарной лестницы, и потом в ее объятьях он боли не заметил. А теперь едва передвигался. Нога в щиколотке распухла и покраснела. Кое-как доковылял до шоссе. Народ еще спал, и частники на халтуру не вышли. Остановил грузовик с хлебом. Едва забрался в кабину.

– Отвези меня в Лазоревскую больницу. – Морщась от боли, попросил он шофера. Заплатил по-царски, чем растрогал пожилого водителя. Тот не только подкатил грузовик к дверям приемного покоя, но и помог пассажиру войти в подъезд. Рабочий день еще не начался, и его принял дежурный хирург.

– Надо делать рентген. На вид сильное растяжение, но возможен и перелом. Кстати, повторите вашу фамилию? Что-то мне она знакома.

– Коленев Олег.

– Это вы автопоилки расставляете?

– Я.

– Трофимов Семен Андреевич, хирург-травматолог. Рад встрече.

– А я не очень. Это надолго?

– Вы о растяжении?

– Да, конечно.

– Поганая штука. Недели две обещаю смело, а там потихоньку забудете. Но если перелом, здесь похуже. Это минимум месяц.

– Тоска...

– Где вас так?

– Оступился...

– Бывает. Я вам хочу дать один совет. Можно?

– Валяйте.

– У нас город южный. Жара – и тут ваши автоматы с газировкой.

– Чем плохо?

– Хорошо, если бы не одна мелочь. Стеклопосуду хотя бы моют водой, но зараза остается. Эпидемии и все такое.

– Они во всем мире стоят.

– Стоят. Но там стаканы давно из пластика. Один раз выпил и выбросил. Вот бы и вам так. Их же можно в той же Турции закупить... Она у нас рядом.

Голенев задумался:

– Закупить все можно. Я бы завод лучше купил. Пусть здесь стаканы выпускают. Опять же рабочие места. Летом туристы, а зимой полгорода от бездельядохнет.

– Это было бы прекрасно. Я вам желаю успехов.

– Помозгуем. Спасибо за совет, а пока поставьте меня поскорее на ноги.

Перелома у Олега не нашли. Ногу ему забинтовали, прописали ванночки и рекомендовали пока ходить с палкой.

Добравшись до своего офиса, молодой предприниматель о растяжении скоро забыл. Утром явился Ломакин с афганцами. Летучий отряд по охране кооператоров через час был создан. Договор с новым предприятием выразили желание заключить сорок шесть бизнесменов. Первое собрание кооператоров и их защитников наметили провести в конце недели. Не успел Виктор увезти свой летучий отряд, прикатил Хорьков.

Степан доложил, что газированной воды не хватает. Не успел исчезнуть Хорьков, приема уже дожидался капитан торгового судна Валерий Градов. Он предложил установить питьевые автоматы на всех прогулочных теплоходах... Директора санаториев прибыли целой компанией. Они озадачили бизнесмена желанием иметь по автомату на каждом этаже здравниц.

К пяти вечера Олег понял, что работать больше не может. Палочку ему принесли, он запер офис и поймал частника. За целый день он не съел и крошки хлеба и сейчас чувствовал зверский голод. Поужинать он решил с Ирой. И хоть они не договаривались о следующей встрече, Олег был уверен, что девушка его ждет.

– Ира Светлова сегодня съехала. – Ответила администраторша пансионата.

– Не может быть! Вы не путаете?

Дама раскрыла журнал и надела очки:

– Не путаю. Она вызвала машину на четырнадцать десять и поехала в аэропорт. Там в это время как раз начинается регистрация на московский рейс. А вы не Коленев?

– Да.

– У вас есть документ?

Олег протянул паспорт. Дама взглянула на фотографию и вернула паспорт вместе с конвертом. Олег тут же его распечатал.

«Любимый убийца, я провела с тобой прекрасные часы. Спасибо за все. Не обижайся, но мы с тобой из разных галактик. Мой Митя хоть и вовсе тебя не стоит, но мы с ним из одного теста. Прощай, мой блуждающий рыцарь. Нашу встречу я никогда не забуду. Ира».

Весна переходила в лето. Днем асфальт на улицах Лазоревска плавился и становился мягким, как резина. В центре города прохожие встречались редко. Отдыхающие жарились на пляжах или охлаждали свои тела в морской пучине, а местные в ожидании отпуска томились в конторах, магазинах и кафе. Бизнес Голенева ежедневно наращивал обороты. Из его автопоилок утоляли жажду не только на улицах города, но и во всех крупных санаториях, курортных комплексах, а также прогулочных пароходах и пляжах.

Обслуживало эту индустрию около пятидесяти человек. Только в офисе на Олега работало полтора десятка служащих. Две инкассаторские машины, собирая выручку, сновали целый день по Лазоревску и его окрестностям. Емкости для монет наполнялись так быстро, что инкассаторы не успевали их опустошать. Воду в десятилитровых бутылках развозил грузовик, снабженный холодильной установкой. Олег запустил не только цех по производству газированной воды, но и небольшой заводик для изготовления искусственного льда.

Кроме бизнеса у него появилось множество общественных нагрузок. Голенев вошел в попечительский совет Лазоревского детского дома, финансировал строительство нового корпуса для ребят, где намечались просторная столовая, спортзал и библиотека. Кооператоры создали свой профессиональный союз и сделали Голенева председателем. Он также организовал комитет бывших афганцев. Всех трудоспособных пристроил на работу, а семьям погибших выплачивал собственную пенсию. Местные газеты каждую неделю писали о нем как о представителе эпохи «перестройки» и печатали его портреты. Что самого Олега вовсе не радовало. Да и весь стиль жизни, который он сам себе создал, тоже. Спать ему удавалось не больше пяти часов в сутки. О свободном дне нечего было и думать. Люди пили газированную воду и по выходным. Единственной радостью стало для Олега море. На

пляж он прибежал на рассвете, полчаса плавал, после чего начинал свой рабочий круговорот. По пятницам Голенев вызывал к себе в кабинет бухгалтера Фаню, и они до ночи подводили финансовый итог очередной недели. К огорчению Олега, его личный доход, несмотря на расширение проекта, рос очень слабо. Он не скупился на зарплату работникам, материально поддерживал несколько организаций, не экономил на сырье и честно платил налоги. Прикидывая возможности кооператива, он надеялся собрать нужную сумму к осени.

Со своим другом детства Олег беседовал по телефону часто, но выбраться в Глухов позволить себе не мог. Пока дело требовало его присутствия постоянно. В середине июня Постников прислал телеграмму, что сам летит с женой к нему в Лазоревск. Встречать супругов он решил на белой «Волге». Кооператив Олега приобрел три легковые машины, которые обслуживали водители. Но в Адлер Олег рулил сам. Постников летел из Москвы, и рейс задерживали. Голенев выяснил, что причина задержки – сильный туман в аэропорту вылета. Он прошелся по площади перед аэровокзалом. Здесь тоже стояли его автоматы, и возле них образовывались очереди. Олег встал в одну из них. Он впервые пил свою воду на улице, и это обстоятельство его почему-то развеселило. Наконец объявили о приземлении лайнера.

Тихон вовсе не изменился. Он шел быстрой, чуть припрыгивающей походкой с двумя чемоданами в руках. Татьяну же Олег едва признал. Из очкастой девочки-студентки она превратилась в даму. Друзья крепко обнялись. Олег подхватил чемоданы и повел чету к машине.

– Ну, у вас, так сказать, и жара! – Воскликнул Тихон, усаживаясь на переднее сидение.

– Это юг. Тут и должно быть жарко, – тоном учительницы начальной школы возразила Татьяна. Она долго и обстоятельно устраивалась сзади, наконец, уселась и закрыла окно.

– Задохнешься. – Предупредил Олег.

– Ничего, зато Тихона не просквозит. У него от любого ветерка простуда.

– Ну зачем ты, Таня. На юге я сквозняков не боюсь.

– Я лучше знаю, чего ты боишься. – Безапелляционно заявила она.

Голенев с некоторым удивлением посмотрел на друга детства и тронул с места.

– Куда мы едем? – Спросил Тихон, не обратив на заявление жены ни малейшего внимания.

– В пансионат «Дружба». Я там живу и для вас забронировал хороший номер.

– У тебя нет собственной квартиры? – Удивилась Татьяна.

– Зачем? Я тут до осени. – Олег занимал тот же номер, в котором останавливалась Ира, но объяснять подробности своей личной жизни он другу детства не собирался, а тем более его жене.

Оставив Постниковых в номере чистить перышки, он пообещал заехать за ними обеду и помчался в офис. Там его уже ждал чех Иржи Новатный со своим предложением. На переговоры с иностранцем опаздывать неприлично, и Олег сильно превысил скорость. Быть оштрафованным он не боялся. Все инспектора ГАИ бесплатно пили его воду, и никогда не останавливали. Но бестолковые отдыхающие ходили в жару, как сонные мухи, и ездить приходилось осторожно. Он уже свернул к офису, когда внезапно дорогу преградил зеленый УАЗик. На таких ездили пограничники, но эта машина к военным отношения не имела. Перед тем как резко затормозить, он успел заметить, что номера сухумские. Из УАЗика выскочили двое и направились к нему. Олег увидел в руках одного пистолет. На раздумья времени не оставалось, оружия Голенева не имел. Немецкий автомат, что он купил у Карлика, вместе с пистолетом Степана остались в горящем доме Турка. Он надавил на стартер и поехал прямо на них. Первый успел выстрелить. Пуля пробил ветровое стекло, рядом с головой водителя. Второй тоже выхватил пистолет, но было поздно. Олег вмял обоих в двери стоящего поперек дороги внедорожника. В нем сидел водитель. Не заботясь об останках своих пассажиров, он развернул машину и поехал прочь. «Волгу» Олега протащило немного

за ним и ударило о бортик тротуара. УАЗ скрылся. Вокруг начала собираться толпа. Олег поглядывал на раздавленных бандитов и на свои часы. Бывшего афганца гораздо больше волновала задержка встречи с партнером, чем жертвы его наезда. За свою еще довольно короткую жизнь он столько раз убивал, что перестал воспринимать ужас смерти. Словно эта часть его души отмерла, как хвост у наших далеких предков. Его трогала только смерть друга, а смерть врага – нисколько. Бандиты шли на него с оружием, и он посчитал их врагами.

Прибывший наряд дорожной милиции обнаружил два трупа с пистолетами в руках. Олег быстро продиктовал показания и, бросив искореженную «Волгу», поспешил в офис пешком.

Чех уже начинал нервничать. Голенев извинился, пояснив, что попал в дорожную аварию. Мелкие стеклышки немного поранили ему лицо, так что Иржи мог наглядно убедиться в правдивости его слов. Переговоры прошли успешно. Чех согласился поставить оборудование для штамповки пластиковых стаканов и обеспечить производство сырьем. Через полтора часа они подписали контракт. По этикету полагалось пригласить партнера на обед. Но Олег спешил в пансионат к Постникову. Соврал, что у него после аварии возникли проблемы со здоровьем, и поручив иностранца секретарше Лине, директор кооператива благополучно улизнул.

В дверях его остановил Хорьков. Степан слышал о происшествии и вызвал летучий отряд афганцев. Начальник отряда отставной майор Скворцов усадил Голенева к себе в «Ниву» и доставил к пансионату «Дружба». Их сопровождал «Рафик» с пятью вооруженными бойцами.

Супруги Постниковы успели принять душ и зверски проголодались. Поэтому приход Голенева их весьма обрадовал. Все трое спустились в ресторан пансионата. Их там уже ждал накрытый стол. Закуски уничтожили молча. Когда тарелки опустели, Тихон внимательно посмотрел на друга и заметил порезы на его лбу:

– Что у тебя с лицом?

– Маленькая авария. Не бери в голову. Как там тетя Галя?

– Очень грустит, так сказать, что мы теперь живем отдельно. Часто заходит, возится с Юликом. Тебя велела целовать.

– А сын как?

– Прошлой осенью пошел в школу. Пока одни пятерки: – Докладывал Тихон, но думал о другом: – Олег, я нашел подрядчиков.

– Молодец. Кто они?

– Не поверишь, турки!

– Опять турки... – Проворчал Олег.

– Очень солидная строительная компания. – С апломбом заступилась Татьяна.

– Я, вообще, не против турок. Но откуда они в Глухове? – Удивился Голенев: – Здесь хоть понятно: море переплыл – и Константинополь. А там...

– После твоего сигнала я объявил конкурс через интернет. Турки предложили самые выгодные условия. Я проверил, они много строят по всему свету и пока, так сказать, нигде не нагадили.

– Сколько?

– Семь миллионов долларов плюс страховка. Всего где-то около одиннадцати. Но это, так сказать, под ключ.

– Оплата?

– Возможно поэтапная.

– Сроки?

Ответить Постников не успел. Официантка принесла форель, и они продолжили ужин. Отправляя в рот нежнейшие ломтики рыбы, Олег вдруг вспомнил о последних минутах

Турка. Его спаленное владение находилось рядом с форелевым хозяйством на Черной речке. Именно оттуда на кухню пансионата и доставлялась деликатесная рыба. Он поперхнулся и отодвинул тарелку.

– Тебе не понравилось? – Удивилась Постникова.

– Нет, рыба прекрасная. Но больше в меня не лезет.

Татьяна посмотрела на него с неудовольствием:

– Конечно, в детдоме вам форель не подавали. Ты, как и мой муж, привык к перловке и кислой капусте... Откуда вам полюбить форель...

Олег решил промолчать. За десертом мужчины снова перешли к делу. Голенев понял, что его средств для начала строительства хватит. Часть суммы он был готов перечислить сейчас. После еды мужчины спустились к морю, а Татьяна пошла дремать в номер. Два друга детства, наконец, остались вдвоем. Хотя в их отношениях после женитьбы Тихона ничего не изменилось, в присутствии женщины оба чувствовали себя немного скованно. Тихон – потому что стыдился своей покорности перед женой, Голенев по той же причине испытывал неловкость за друга. Постников оглянулся по сторонам, достал из кармана пачку «Мальборо» и, как делают это малолетки в школьных туалетах, воровато прикурил.

– Ты стал курить? – Изумился Голенев.

– Немного. Не говори Татьяне. Узнает, мне не сдобровать.

– Ладно, не бойся... – Олег достал пачку и закурил сам.

– Ну теперь расскажи мне, как ты живешь?

– Работаю, Тиша.

– Я не об этом...

– А больше ни на что времен нет.

– Ты же, так сказать, молодой мужик, почему не женишься?

Голенев усмехнулся:

– Некогда, Тиша.

– Брось. Ты в форме, красивый, а теперь еще и богатый. Какая девчонка устоит?

– Та, которая мне приглянулась, устояла... И хватит обо мне. Расскажи, как дела в Глухове? Как справляешься с должностью мэра?

– Плохо справляюсь. Кругом криминал. Про меня пишут всякие небылицы. Недавно узнал из областной газеты, что у меня, так сказать, дом в Швейцарии, вилла в Италии, а на счетах куча золота. Мол, ворует Постников по-черному.

Голенев усмехнулся:

– Если воровал, молчали бы.

– Это точно. Предлагают каждый день. Знаешь, сколько мне предложили, чтобы я не начинал строить цементный завод? Двадцать тысяч долларов. Представляешь?!

– Кто же такой щедрый?

– Точно утверждать не могу. Но подозреваю Генку Кашеева.

– А ему какой смысл?

– Прямой. Он, так сказать, прихватил всю строительную индустрию в нашей области. Где бы ни строили – цемент его, кирпич его, даже лес его. Зачем ему государственный завод, выпускающий качественный и дешевый цемент? Он все под себя подмял. А сам бывший уголовник. Шесть лет за воровство отсидел. Но теперь времена новые, хватай, что плохо лежит. А в России, так сказать, все лежит плохо.

– Ты же эти новые времена сам призывал с пеной у рта. Чего теперь жалуешься?

Постников молчал долго. Он смотрел на море и думал, как ответить. Потом бросил в волны плоский камешек, проследил, как он подпрыгнет три раза в волнах, и заговорил глухо и отрешенно:

– Надеялся, что в стране голову поднимут талантливые люди, которым раньше работать не давали. А голову подняли, так сказать, гады.

– Что-то мне твое настроение не нравится. Гадов надо давить. Приеду, разберемся.

Тихон положил руку на плечо друга:

– Скорей бы...

– Теперь уж скоро.

Утром Голенев проснулся рано и тут же поехал в офис. Он не мог уделить Тихону и Татьяне много времени. Чтобы Постниковы не скучали, он купил им экскурсию в Новый Афон. Вечером друзья договорились снова вместе поужинать.

На работу Олег опять ехал с охраной. Хорьков поставил перед начальником летучего отряда задачу выяснить, кто и почему нападал на Голенева. Сергей Скворцов справки навел. УАЗ приехал из Сухуми. Двое раздавленных оказались личностями милиции знакомыми. Это были шестерки сухумского авторитета Вано Жвания. Сам Вано занимал почетную должность заместителя директора Очемчирского рынка. Но по сути он промышлял рэккетом на всем побережье Абхазии. Скворцов также добыл информацию, что Жвания в данный момент гуляет в Сочи. Афганцы установили за бандитом наблюдение и знали каждый его шаг.

Голенев начинал работу с объезда своих предприятий. Он посетил цех, где готовили воду, поговорил с механиками, занятыми ремонтом испорченных автоматов. В офис приехал в двенадцать.

Не успел он войти в кабинет, как Скворцов доложил о том, что Жвания в шикарной американской иномарке направляется в Лазоревск. Афганцы усилили охрану офиса.

Голенев пригласил в кабинет Степана Хорькова и Сергея Скворцова.

По их мнению, бандит, прознав, что Турка больше нет, решил предпринять попытку забрать ничейную территорию. Вот и прислал своих бойцов. Это была слабая разведка боем. Чем вызван личный визит Жвания в город, они не знали. Но ждать ответа пришлось не долго. Сухумский авторитет сидел в приемной. Афганцы его обыскали, но оружия не нашли. Олег решил гостя принять.

Вано был красив, высок и элегантен. Если бы не два золотых зуба, ослепляющие собеседника при его улыбке, Жвания вполне можно было принять за артиста или художника.

– Здравствуй, Олег, здравствуй, дорогой мой. – Бандит шагал навстречу, сверкая фиксами и дружески протягивая руку.

Олег поднялся, руки ему не подал, но на кресло указал:

– Чему обязан?

Жвания уселся в кресло, продолжая скалиться:

– Произошло ужасное недоразумение. Мои ребята погибли. Но я на тебя не сержусь. Они сами виноваты. Я попросил их передать тебе приглашение. Но, как гласит русская пословица, дурак опаснее врага. Я приехал извиниться за их хамскую выходку.

– Ты называешь хамской выходкой пальбу в голову?

– Слушай, он стрельнул от испуга. Так что извини...

– Чего теперь извиняться? Они трупы.

– Забудем о них. Пусть их души обретут покой. Раз гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе. Я пришел к тебе как друг. Каким уйду отсюда, зависит от тебя.

Олегу надоели иносказания:

– Давай ближе к делу.

– Можно и к делу. Я понимаю, ты человек занятой. Я тоже. А дело заключается в том, что ты мне должен много денег.

– Я тебе? – В голосе предпринимателя бандит никаких эмоций не услышал.

– Да, дорогой. Твои автоматы установлены на прогулочных катерах. Люди пьют воду и кладут тебе деньги. Катера плавают по морю. Они плывут в Сухуми, они плывут в Гагры,

потом в Пицунду. Понимаешь, что получается? Ты зарабатываешь деньги на моей территории, а делиться не хочешь. Так неправильно.

Олег разозлился:

– Абхазия, как я слышал, часть Советского Союза.

– Конечно, дорогой. Мы живем в одной стране и можем решить вопрос по-доброму. Дай мне поставить игровые автоматы в Сочи, в Лазоревске и Адлере, и я буду считать, что мы квиты.

– Я не могу тебе ничего запретить. Все перечисленные тобой населенные пункты мне не принадлежат. Договорись с властями, ставь и работай.

– Вот тут и проблема. Меня здесь считают нехорошим. Я отсидел срок. Мне разрешения не получить. А тебя уважают...

– А ты попробуй. Сейчас времена другие.

– Уже пробовал. Поэтому я здесь. Я даже предложу тебе больше. Двадцать пять процентов твои. Но игровые автоматы ты установишь сам, под крышей своего кооператива. Кто там разберется, игровые они или питейные. Автомат есть автомат.

– А вот этого никогда не будет. – Ответил Голенев и поднялся, давая понять, что разговор закончен.

Жвания тоже встал с кресла:

– А ты подумай, дорогой. И учти, что я очень хороший и верный друг, но очень плохой враг.

– Я уже подумал.

– Мало подумал. Ты подумай не только о себе. Подумай о детях в детдоме. Ты же им строишь целый корпус. Подумай о своих друзьях афганцах и их семьях. Повод для раздумий у тебя найдется. – Жвания опять улыбнулся, сверкнув золотом коронок и, гордо подняв свою красивую голову, вышел из кабинета.

Через неделю чету Постниковых Олег проводил. Молодой мэр дольше отдыхать не мог. Голенев перевел пять миллионов на счет турецкой строительной компании, и Тихон мог запускать строительство. Но через полтора месяца деньги понадобятся снова. Олег это понимал и не позволял себе расслабляться.

Рабочий день кооператора начинался в шесть утра и заканчивался поздним вечером. Проблемы возникали постоянно, и их решение отнимало все мысли и силы. О визите бандита Олег забыл напрочь. Но Жвания ничего не забывал. На другой день после отъезда Тихона и Тани Голенев отработал до десяти вечера и поехал в пансионат спать. Администраторша вместе с ключом от номера передала сверток:

– Олег Николаевич, это вам.

– Что это? – Поинтересовался постоялец.

– Передал незнакомый мужчина. Сказал, от Жвания.

Голенев поблагодарил и поднялся в номер. Развернув сверток, он увидел коробку с настольной игрой. Это была детская рулетка, но шарик оказался особенный. Он был выполнен в виде человеческого черепа. Ни записки, ни какого иного знака дарящего получатель в коробке не обнаружил. Оставив игрушку на столе, Олег вышел на балкон. Он каждый вечер перед сном некоторое время проводил на балконе: наслаждался вечерней прохладой, вдыхал запах цветущих магнолий, смотрел на звезды, слушал хор цикад и шелест волн. Звуки и аромат южной ночи снимали дневное напряжение и позволяли быстро уснуть. Но сегодня он вышел на балкон, чтобы переварить подарок. Жвания весьма прозрачно намекал, что время для раздумий у Голенева больше нет.

Принимать угрозу бандита как серьезное предупреждение или очередной театральный жест, за которым ничего не стоит, предстояло решать самому Олегу. Внизу в акациях как

всегда звонко трещали цикады, а на пляж накатывали волны. Ветер давно стих, но море еще волновалось. Внезапно привычные звуки ночи нарушили два щелчка. Бывший афганец тут же бросился на пол балкона и отполз в комнату. Сообразив, что в него стреляли из оружия с глушителем, он задвинул шторы и позвонил Скворцову.

Бойцы летучего отряда прочесали парк под окнами Голенева, но кроме следов от сандалий сорок пятого размера ничего не обнаружили. Утром Олег вместе с командиром Сергеем Скворцовым осмотрели балкон. В стене, рядом со стеклянной дверью, они заметили два свежих пулевых следа. Скворцов прикинул, что они пролетели рядом с правым и левым ухом Голенева. Оба догадались, что стрелял снайпер и промазал нарочно. Голенев сделал вывод, что Жвания его предупредил. Отказавшись от охраны, он начал свой обычный рабочий день. Как всегда, посетил производства, обслуживающие его питейные автоматы, как всегда, поговорил с людьми и решил текущие вопросы, как всегда, в двенадцать вошел в свой офис. Никто не заметил некоторой рассеянности директора кооператива. Но Олег напряженно думал, как поступить. Начинать крупномасштабную войну с бандитом значило ослабить или приостановить производственный процесс. Этого он не хотел. Автопоилки давали все больше прибыли, а деньги ему нужны позарез. Строительству цементного завода в Глухове потребуются новые денежные вливания.

Вечером Голенев вызвал Хорькова и начальника летучего отряда. Втроем долго о чем-то беседовали. Выходили по очереди. Сначала офис покинул Степан Хорьков, за ним Голенев и Скворцов. Служащие уже разошлись, оставалась только охрана. Два бывших афганца пешком дошли до парка Володарского, затем Скворцов отстал, а Голенев двинул по дорожке вдоль пляжа один. Командир летучего отряда двигался за ним на расстоянии двухсот метров, внимательно оглядывая парк. В его задачу входило убедиться, что за Голеневым нет слежки.

Скоро дорожка закончилась. Начинался поросший колючками и заваленный огромными острыми камнями дикий берег. Голеневу приходилось напрягать зрение, чтобы не угодить в яму или не порвать брюки колючками. Узкая тропинка петляла вокруг валунов и обрывалась у маленькой пристани. Вокруг быстро темнело, но лодку и человека, сидящего в ней, Голенев заметил сразу:

– Горючего хватит?

– Все в норме, командир. – Ответил Степан Хорьков, подавая Олегу руку. Голенев с его помощью забрался в лодку, и они отчалили. Метров триста Степан шел на веслах. Удалившись от берега, он перестал грести, и лодка замерла, покачиваясь на мягкой пологой волне. Голенев напряженно всматривался в берег. Наконец там вспыхнул свет фонарика. Луч прочертил по прибрежной гальке и погас. Это Скворцов подал знак, что слежки за Голеневым не обнаружил.

Степан пересел на корму, дернул шнурок мотора, и они понеслись в ночь. Хорьков родился и вырос в Лазоревске. До армии плавал здесь с рыбаками и прекрасно изучил прибрежный фарватер. Ветер совсем стих, невысокие волны приятно покачивали, и Олег задремал. Проснулся, когда они миновали Сочи. С моря большой город светился заревом электрических огней. Они обогнули сочинский порт и поплыли дальше к Абхазии. Город остался позади, и небо снова потемнело. До Сухумской бухты на берегу мерцали лишь редкие огоньки прибрежного жилья да светились окна пансионатов. Над столицей Абхазии так же полыхала корона света, но меньше, чем над Сочи. Теперь уже оставалось плыть недолго. Пройдя сухумский маяк, Хорьков заглушил мотор и снова пересел на весла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.